

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЭКЗОРЦИСТ

ПАВЕЛ КОРНЕВ
**ПРОКЛЯТЫЙ
МЕТАЛЛ**

Павел Николаевич Корнев

Проклятый металл

Серия «Экзорцист», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=315272
Проклятый металл: Альфа-книга; Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0586-2*

Аннотация

Бесы из века в век рвутся в души людей из серой бездны, в которой никогда ничего не происходило и никогда ничего происходить не будет... Экзорцисты и экзекуторы молитвами и огнем спасают души бесноватых и изгоняют нечистых обратно в породившую их пустоту... Так было с самого сотворения мира и так должно было быть до конца его дней.

Но появился человек, способный повелевать бесами, будто собственными вассалами. И разнеслась подобно чуме по городам новая ересь. И встали одержимые под знамена монархавероотступника. И оказались забыты старые договоры и обеты, а в воздухе запахло большой войной. Войной, в которой яд и кинжалы будут значить ничуть не меньше, чем армии и крепостные стены. Войной всех против всех.

Какое, спросите вы, к этому имеет отношение Себастьян Март?

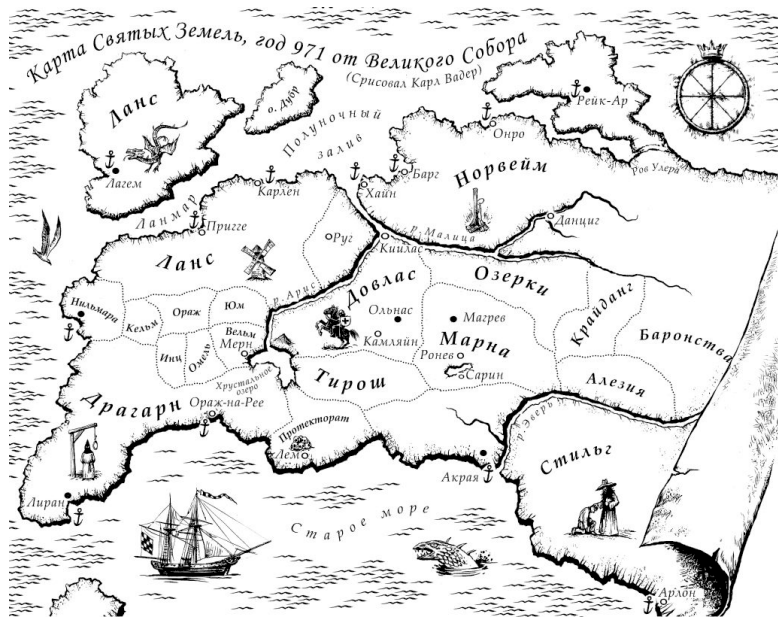
Не стоило ему браться за изгнание бесов, только и всего.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	22
Глава 1	23
Глава 2	106
Глава 3	121
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Павел Корнев

Проклятый металл

Greg Al. Yudin's. 2010.

Пролог

Год 948 от Великого Собора

Месяц Святого Доминика Просветителя

Год девятьсот сорок восьмой от Великого Собора запомнился жителям Ланса как год недорода и год бесславного окончания вконец разорившей континентальные провинции войны. Горожан будоражили слухи о скором конце света, сельский люд в сердцах поминал засушливое лето, дождливую осень и раннюю морозную зиму. А еще – все поглядывали в небо на сулящую новые неприятности кровавую комету. И пусть никто толком не мог объяснить, какие именно несчастья вскоре обрушатся на страну, надежд на перемены к лучшему у подданных Джеймса Третьего почти не осталось. Да и какой прок от пустых надежд, когда вот-вот придется положить зубы на полку?

Всадники, что направлялись на поклон к известному на побережье отшельнику, в полной мере ощутили на себе дурное настроение местных жителей. Радовались им разве что владельцы харчевен и постоялых дворов, да и у тех за фальшивыми улыбками скрывалось желание опустошить кошельки путников до последнего денье. Напроситься же на постой в какой-нибудь захудалой деревеньке и вовсе было пустой затеей. Обыватели, с суеверным ужасом боявшиеся сглаза и порчи, не пускали чужаков даже на порог.

Слишком уж часто в последнее время поражала души людей бесноватость. И слишком опрометчиво поступил монарх, повелев закрыть миссии ордена Изгоняющих и выдворить братьев-экзорцистов из страны. Приходские священники были способны изгнать из человека беса далеко не всегда...

С пролива дул холодный, пронизывающий насквозь ветер, к полудню стеной повалил мокрый снег, но двое верховых и не подумали укрыться от ненастья на постоялом дворе. Молодой человек лет двадцати от роду, с резкими и властными чертами лица, кутался в плащ и очевидным образом злился на спутника, который поспешил тронуться в путь, едва только рассвело. Тот ехал впереди и помалкивал, однако усилившийся ветер и летевший прямо в глаза снег портили настроение и ему. К тому же щегольская короткая куртка, отороченная куньим мехом, совсем не подходила для разыгравшейся непогоды.

– Смотрю, Патрик, ты сам не рад уже, что на своем настоял? – не смог удержаться от шпильки молодой человек. – Вот отморозишь себе что-нибудь, вспомнишь мои слова...

– Прошу вас, дорогой Эдвард, пожалейте мое бедное сердце. – Патрик, граф Нейл, приложил руку к левой стороне груди, но глаза его остались холодными и бесстрастными.

– Пожалеть? С чего бы? Я не хотел сюда ехать. Я боюсь даже подумать, что станет с отцом, когда он прослы-

шит про авантюру, на которую подбил его наследника некий граф...

– А я боюсь подумать, что случилось бы с неким наследником престола, попадись он на глаза его величеству в ту пору, когда не вполне владел собой. Мне и так уже пришлось позаботиться о вашем излишне болтливом камердинере.

– С вами, Патрик, не поболтаешь... И вместе с тем монастырь Святого Мартина находится несколько ближе к столице, чем эта дыра Пригге. – Принц выплюнул название захудалой деревушки с нескрываемым презрением. – И переплыть через Ланмар не пришлось бы...

– Вот именно, монастырь Святого Мартина находится слишком близко к столице. Кроме того, я вовсе не уверен, что настоятель способен снять порчу, зато поставить в известность вашего батюшку он бы ни в коем случае не забыл.

– И что с того? Избавь он меня к тому времени от беса...

– Мой дорогой принц, первородство вовсе не гарантирует престолонаследия! Слухи об одержимости гарантированно закроют вам дорогу к трону. А если присовокупить к ним самоубийство супруги, которое вряд ли можно объяснить одной только послеродовой горячкой...

– Я не имею к этому никакого отношения!

– Могли бы поменьше волочиться за придворными красотками... – вполголоса заметил граф, но был услышан.

– Довольно, Патрик! Ты прекрасно знаешь, зачем отец устроил этот брак. Он кинул меня лордам с континента,

как кидают кость своре голодных псов! Да, эти напыщенные болваны сразу позабыли о проигранной Норвейму войне, а герцог Риз пошел на такие уступки, о которых мы и мечтать не могли! Но знай я наперед, что его дочь окажется сущей ведьмой, я бы и близко к ней не подошел! Ты же видишь – эта стерва даже после смерти продолжает портить мне кровь!

– Ваша любвеобильность, мой принц...

– Да что любвеобильность?! Ведьма, она и есть ведьма, и моя верность не изменила бы ее природы!

– Так-то оно так, но измена есть грех, а любой грех открывает бесам дорогу в душу. Не было бы греха, глядишь, и не пришлось бы нам тащиться за тридевять земель.

– Вот только не надо читать мне нотаций! Лучше объясни, зачем мы едем к какому-то затворнику, если легко можем посетить миссию ордена Изгоняющих в Нильмаре?

– Погода плохо влияет на вашу способность к здравым рассуждениям, мой дорогой принц. Вы хотите, чтобы о вашей проблеме моментально стало известно в Акрае? Желаете оказаться на крючке у Стыльга?

– Но тайна исповеди...

– Когда тайна исповеди мешает государственным интересам, о ней принято забывать. Между тем всем известно, кому экзорцисты служат на самом деле. Ваш батюшка выставил их из страны вовсе не в припадке дурного настроения, как растрезвонили потом на каждом углу.

– Тебе всюду заговоры мерещатся!

– Тем и живу, – нахмурился граф. – Но почему вы так настроены против местного отшельника? Его успехи в изгнании бесов признавали даже экзорцисты!

– Мне претит сама мысль прибегать к помощи еретика!

– Ну, тогда вам одна дорога...

– Куда? – заинтересовался принц.

– В Норвейм. Вот братья-эксекуторы удивятся...

– Патрик, не испытывай моего терпения!

– Мне удалиться?

– Нет, бесы тебя заberi! – рявкнул Эдвард и, чуть помедлив, тихо заметил: – Прости, Патрик, я просто не хочу иметь никаких дел с отступником, пусть даже он и являет миру чудеса святости. Как мне говорили, его рассуждения полны ереси.

– С каких пор вы стали таким благочестивым? – удивился граф.

– С тех пор, как в мою душу вцепился этот клятый бес! Я не живу сейчас, а существую...

– Вы и дальше собираетесь существовать? – уточнил Патрик, который за последнее время успел свыкнуться с резкими перепадами настроения его высочества и уже не обращал на них внимания. – Или все же намерены стать Эдвардом Первым?

– Откуда такая любовь к риторическим вопросам? – нахмурился принц.

Но едва он только собрался сказать графу какую-нибудь гадость, как лес расступился, и всадники выехали на просторную поляну.

– Мы на месте. – Патрик указал на темный силуэт двухэтажного дома.

– А неплохо этот отшельник устроился, – задумчиво огляделся по сторонам принц.

Выбежавший из пристроя служка ловко принял поводья и повел лошадей к приспособленному под конюшню сараю.

– Добро пожаловать! – указал на крыльцо граф Нейл.

– Только после тебя, – бросил ему в ответ Эдвард.

Пропустив графа вперед, принц расстегнул застёжки плаща, на ладонь выдвинул из ножен меч и бросил его обратно.

– Говорите, это мне везде заговоры мерещатся? – не упустил возможности съехидничать Патрик и, кое-как сбив с куртки снег, без стука распахнул дверь.

Принц последовал за ним. Откинул с головы капюшон и внимательно оглядел просторную комнату, у дальней стены которой в камине гудело высокое пламя. Рядом громоздилась сложенная из сухих дров высокая поленница, так что ненастье хозяин дома встречал во всеоружии. Впрочем, вышедший к гостям отшельник ничуть не походил на человека, которого мог смутить обычный снегопад.

– Ваше высочество, – слегка склонил голову мужчина неопределенного возраста, облаченный в длинную байковую хламиду, – большая честь для меня видеть вас здесь...

– Неужели?..

Эдвард бросил мокрый плащ на спинку кресла и прошел к камину. Интересоваться, откуда затворник знает, кто к нему пожаловал, он и не подумал. Спрашивать имя хозяина – тоже. Ни к чему это.

– У вас есть основания сомневаться в моих словах? – мягко улыбнулся отшельник.

– А у меня есть основания вам доверять?

– Однако же именно вы почтили меня визитом...

– Туше! – хохотнул Патрик и сел поближе к камину. – Надеюсь, вы не откажете замерзшим путникам в стаканчике бренди?

– Или подогретого вина, – уставился Эдвард на хозяина, почтение которого к гостям было, без всякого сомнения, показным. Уж кого-кого, а лицемеров и лжецов принц на своем веку навидался достаточно.

– Я не держу в доме хмельного, – вежливо, но твердо сказал затворник. – Думаю, не хуже бренди вас согреет травяной чай.

Эдвард досадливо поморщился, но предложенную кружку, над которой курился легкий дымок, принял. Отхлебнул. Насупился. Досадливо посмотрел на отшельника и рубанул с плеча:

– Ты можешь мне помочь?

– Смотря что вы хотите от меня получить, ваше высочество, – ушел от прямого ответа хозяин лесного жилища.

– А сам ты этого не понимаешь?

– Я понимаю лишь, что на вас наслали порчу. Еще я вижу беса, терзающего вашу душу. Каждодневные молитвы за здоровье членов королевской семьи пока не дают ему обрести должную силу...

– Ах вот как? – Эдвард в раздражении грохнул кружкой. – Обрести должную силу? Ты так это называешь?

– Неважно, как я это называю, важно, что я могу этому помешать. Полагаю, вы хотите избавиться от порчи...

– Bravo! – зааплодировал принц. – Друг мой, да ты, оказывается, настоящий мыслитель. И как только догадался?

– Ваше высочество, вы уверены, что хотите именно этого? – спокойно продолжил отшельник, не обратив ни малейшего внимания на прозвучавшую в словах собеседника издевку.

– А что еще ты можешь мне предложить? Развернуться и отправиться домой?

– Отнюдь нет. – Невозмутимость на мгновение покинула хозяина дома, но он моментально взял себя в руки: – Порчу можно вернуть. Порчу можно передать другому человеку...

– Какие ты мерзости говоришь! – скривился Эдвард и вскочил на ноги. – Нет! Все, чего я хочу, – это избавиться от нее навсегда. Если тебе это по силам, называй свою цену.

– Не все в этом мире измеряется деньгами...

– Не стоит испытывать мое терпение!

– Выслушайте меня, ваше высочество...

– Разговор тут короткий: либо ты можешь снять порчу, либо нет!

– Могу.

– Тогда в чем проблема?

– Прежде чем что-либо сделать, я должен объяснить возможные последствия, – скрестил на груди руки раздраженный упрямством принца отшельник.

– Ваше высочество! – встрепнулся вдруг граф Нейл. – Выслушайте его. Не зря же мы проделали этот длинный и, так скажем, не очень приятный путь.

– Не уверен! – В глазах принца полыхнула ярость, однако здравый смысл быстро взял верх. – Ладно, говори, чего ты там хотел...

– Сначала просветите, что именно с вами произошло. Мне нужны подробности.

– Подробности? – фыркнул Эдвард. – Одна ведьма натравила на меня бесов, вот и все подробности!

– Если вы не хотите об этом говорить, боюсь, я ничем не смогу помочь...

– А-а-а, бес с тобой! – махнул рукой принц. – Моя супруга была на сносях, когда кто-то наплел ей обо мне всяких небылиц. Роды начались раньше срока, после них она и вовсе обезумела. Отказывалась глядеть на сына, бормотала что-то странное о тьме, проклятии и расплате. Несколько дней назад ее нашли удавившейся собственным шелковым палантингом, а в ночь после похорон... в ночь после похорон моей

душой попытался завладеть бес!

– Люди часто используют силы, не до конца понимая их природу, – кивнул отшельник.

– Не до конца понимая? – уставился на него принц. – Ты меня слышал вообще? Она призвала на мою голову беса!

– Бесы всего лишь частицы Бездны, обитающие в великой пустоте. К истинной Тьме они не имеют никакого отношения.

– Что?! Ты в своем уме?! – подскочил как ужаленный Эдвард. – Частицы Бездны? Да только всенощное бдение о королевской семье не позволило этой твари живьем утянуть меня в преисподнюю!

– Не все так просто, ваше высочество. Бесы – лишь сгустки силы. Не скверна, но порождения пустоты! Сами по себе эти создания не хороши и не плохи. Другое дело, что они способны проникать лишь в души, отягощенные грехом, ведь именно такие души лишены целостности. И поскольку грех изначально темен...

– Избавь меня от своих еретических бредней! – приказал принц. – А не то живо отправишься на костер!

– Не надо угроз. Я просто пытаюсь помочь. И изгнание беса – это крайний вариант. С моей помощью вы сможете взять над ним верх и получить его силу...

– Замолчи! Об этом не может быть и речи! Избавь меня от порчи, если можешь, и тогда я закрою глаза на крамольные речи, что ты ведешь в моем присутствии!

– Я спасу вас, но кто поможет остальным бесноватым, чьи души полны скверны лишь потому, что некому позаботиться о них и наставить на путь истинный? – повысил вдруг голос отшельник. – Вы столкнулись с обитателями Бездны исключительно из-за наведенной порчи, но есть и те, кто от рождения наделен даром соприкасаться с иным миром.

– Бесноватость – это дар? – хмыкнул граф Нейл.

– Бесноватыми пусть занимаются экзорцисты! – отрубил принц.

– Экзорцисты калечат души, выжигая из них то, чего сами не разумеют! – вмиг растерял всю свою невозмутимость отшельник. – Больше них вреда приносят только экзекуторы, но тех изначально ведет корысть и жажда власти...

– И что мне теперь, устроить приют для бесноватых?

Принц схватил со стола кружку с чаем и в три глотка осушил ее до дна. Темечко заломило, будто кто-то бился в голове, желая вырваться наружу. Эдвард выудил из кармашка четки и судорожно принялся перебирать их, пытаясь успокоить бешено стучавшее сердце.

– Нет, ваше высочество, – покачал головой отшельник. – Природу Бездны нужно изучать. Когда мы познаем ее, мы изменим мир! Кому нужны мертвые люди, именуемые святыми? Надо построить новые храмы...

– Довольно! – Принц с трудом унял бившую его дрожь, до боли стиснув пальцами граненые бусины четок. – Патрик,

он и вправду спятил, или мне только кажется?

– Ваше высочество, – отшельник шагнул к Эдварду, – вы просто не представляете, что это даст вам лично. Бесы – не только проклятие, но и оружие. Понимая их природу и используя их, вы легко сокрушите всех врагов...

– Для начала я должен буду перебить половину собственных подданных, – с явственно прозвучавшим презрением в голосе ответил принц. – Против меня выступают все: чернь, лорды, Церковь. Ланс и Драгарн тоже не останутся в стороне: они давно точат зуб на наши континентальные провинции, а война с еретиками – прекрасный повод для военного союза.

– Но...

– Никаких «но»! – не выдержал Эдвард. – Называй свою цену и не морочь мне больше голову!

– Чтобы избавить вас от порчи, я буду вынужден принять ее на себя. – Отшельник внезапно успокоился. Зеленые глаза потемнели, а потом и вовсе сменили оттенок: один загорелся желтым огнем, второй стал серым, словно припорошенная дорожной пылью стекляшка. – Однако, если вы примете мое предложение...

– Еще раз услышу об этой ереси, отправлю на костер, – пообещал принц и в сердцах кинул в графа Нейла перчаткой. – Ты куда вообще меня притащил?

– А что, был большой выбор? – пожал плечами граф и поднялся на ноги. – Назовите уже свою цену, почтенный, или мы

немедленно отбываем.

Отшельник несколько мгновений играл с графом в гляделки, потом опустил глаза и после недолгой паузы сразил принца наповал:

– Я хочу стать наставником вашего сына.

– Что?! Отдать первенца еретику?! – Эдвард от такой наглости потерял дар речи и заперхал. Придя в себя, он кинул на стол туго набитый кошель и многозначительно похлопал ладонью по рукояти меча. – Выбирай: золото или сталь.

– Ваше высочество, – ухватил принца за руку Патрик, – так нельзя!

– Нельзя? – прошипел принц в лицо советнику. – А ему надо мной издеваться можно?

– Нельзя вершить самосуд! Если узнают...

– Мне не нужно золото, – подлил масла в огонь отшельник.

– Ну что ж, – оставил в покое меч Эдвард, – ты сам выбрал свою судьбу. Уж поверь, я позабочусь, чтобы еще до захода солнца твой прах развеяли по ветру!

– Не думаю, что это в вашей власти, – не испугался угроз еретик. – В последнее время во владениях герцога Риза ваше слово мало что значит. Он, говорят, души в своей дочери не чаял...

– Ах ты подлец! – вскипел принц и вдруг хлопнул себя по лбу. – Герцог Риз! Ну конечно, как я сразу не сообразил!

– Мальчик получит прекрасное образование, можете

не сомневаться.

– Моего сына еретик учить не будет! Никогда такому не бывать!

Эдвард схватил плащ и зашагал на выход, но у двери его нагнал Патрик.

– Ваше высочество, одумайтесь, – зашептал он на ухо принцу. – Из ведьминого отродья так и сяк не выйдет толку!

– Он не только ее сын, в его жилах течет и моя кровь! – осадил графа Эдвард. – Не забывай об этом!

– Но наполовину в нем порченная кровь Ризов, – уперся граф Нейл. – Прежде чем мы уедем, подумайте: хотите ли вы собственными руками преподнести корону одному из своих братьев?

– К бесам трон!

– Дорогой Эдвард! Возьмите себя в руки! В конце концов, мало ли что может случиться, пока ребенок растет? Никто из нас не вечен...

– А ведь и верно, – одумался принц, сунул Патрику скомканный плащ и, вернувшись в комнату, убрал в карман забытый на столе кошель. – Приступай, отшельник!

– Слово дано?

– Слово дано!

– Да будет так! – важно кивнул затворник и протянул руку к голове наследника престола.

Коснулся.

Эдварда передернуло от отвращения, он хотел было ото-

двинуться, но не успел: в глазах вспыхнули искры, тело наполнила смертная слабость, и принцу пришлось опереться о стол, чтобы не рухнуть на пол.

Мгновение спустя отшельник резко – будто жнец серпом взмахнул – отнял руку, и граф Нейл с изумлением увидел, что меж крепко сжатых пальцев у того извивается выдернутая из его высочества тень – тень куда более темная, чем ей полагалось быть при столь скудном освещении.

Еретик взмок от напряжения, его всего перекорежило, словно какая-то иная сущность пыталась перекроить человеческое тело по собственным меркам. И все же отшельник оказался сильней: когда его посеревшие пальцы разжались, от вырванной из принца тьмы не осталось и следа.

– Это все?.. – Эдвард помотал головой, прислушиваясь к собственным ощущениям. Понял, что разъедавшая все последние дни душу язва больше не высасывает из него силы, и широко улыбнулся: – Благодать-то какая...

– Да, ваше высочество. Как и договаривались, я вырвал беса из вашей души и заточил его в своей.

Отшельник вытер разом вспотевшее лицо и размеренно задышал, пытаясь унять лихорадочное сердцебиение.

– Вот и замечательно...

Принц забрал у графа плащ и, не прощаясь, устремился прочь из этого странного места. Он снова чувствовал себя живым, здоровым и полным сил. И это приводило его в неопикуемый восторг.

– В семь лет, – толкнул Эдварда в спину голос отшельника. – Когда вашему сыну исполнится семь лет, я жду его у себя.

– Что? – недоуменно обернулся принц, который мыслями был уже далеко отсюда, потом вспомнил об уговоре и небрежно махнул рукой: – Ну да, конечно, конечно...

– И еще, ваше высочество! Я запер беса в себе, но если со мной что-нибудь случится, он непременно вернется по вашей душе.

Эдвард в бешенстве хлопнул дверью, молча вышел на крыльцо и расправил плечи. Набрал полную грудь морозного воздуха и моментально унял обуявший его гнев. Пусть в малыше и течет порченная кровь Ризов, еретик не станет его наставником никогда. Даже если ради этого принцу придется кого-то убить.

Никогда!

Часть первая

Год 971 от Великого Собора

Глава 1

Экзорцист. Люди и бесы

Месяц Святого Огюста Зодчего

I

Почтовая карета прибыла на главную площадь Ронева, когда городские часы – одна из двух городских достопримечательностей – отбивали полдень. Делали они это словно нехотя: медленно, с долгими перерывами между разносившимся над крышами домов звоном медного гонга. Механизм часов давно следовало перебрать или, на худой конец, смазать, но у магистрата до этого никак не доходили руки. У магистрата вообще до многого не доходили руки – такие уж это были люди. Под стать часам: неторопливые, привыкшие делать лишь то, что отложить на завтра уже нет никакой возможности. Да другого от них и не требовалось. Как-то незаметно переросший из захудалого поселения в коронный город, Ронев существовал и худо-бедно развивался только благодаря своей второй и главной достопримечательности – королевской тюрьме.

Сейчас уже не верилось, но когда-то в тюрьме не хватало свободных камер. Заключение ломали мрамор и малахит,

добывали медную и серебряную руду на местных рудниках, и разросшийся вокруг тюрьмы городок процветал. Но рудники иссякли, и как-то незаметно ушло в прошлое былое благополучие. Благополучие ушло, а тюрьма и королевский гарнизон остались. Горожане затянули пояса, но привыкли. Так и жили: без излишеств, зато с уверенностью в завтрашнем дне. Все верно: преступники на их веку точно не переведутся.

Дежурившие на площади стражники были истинными детьми своего города – обрюзгшие от дармового пива дядьки в мятых форменных плащах составили алебарды к ограде занимаемого королевской почтой особняка и отчаянно скучали, дожидаясь конца смены. Караул на главной площади считался чем-то вроде наказания: целый день торчать на глазах у начальства и важных шишек из магистрата было серьезным испытанием для привыкших к куда более вольной жизни блюстителей порядка.

Поднятые воротники плащей и нахлобученные по самые уши шляпы худо-бедно защищали от порывов студеного осеннего ветерка, но когда тусклое солнце скрывалось за серыми кучевыми облаками, становилось и вовсе тоскливо. Поэтому при появлении из почтовой кареты экзорциста начальник караула просто опешил от такой несправедливости.

Высокий, похожий на пугало в кожаном плаще до пят и широкополой шляпе, экзорцист одним только видом своим вызвал у уныло переглянувшихся стражников изжогу. Ма-

ло того что с самого пользы как с козла молока, так еще и в карету с ним никто из добрых подданных короля Альберта Второго – да продлят Святые годы его жизни! – в здравом уме не сядет. Только по большой нужде. А значит, с путешественников сшибить пару монет сегодня точно не получится. Плакал дневной калым...

Прекрасно понимая, какое впечатление произвел на оробело пялившихся на меня стражников, я поднял руку и требовательно прищелкнул пальцами. Перчатки из толстой кожи смягчили щелчок, и прозвучал он едва ли громче звона нашитых по краям шляпы и швам плаща серебряных колокольчиков, но начальник караула моментально оказался рядом.

– Чем могу служить, господин экзорцист? – уставившись на носки своих пыльных сапог, выпалил он.

– Как пройти к ближайшему постоялому двору? – вытаскивая из кареты увесистую дорожную сумку, спросил я.

Из-за закрывавшей низ лица кожаной полумаски голос прозвучал глухо, и стражник вздрогнул от неожиданности. Совсем они здесь запуганные. На полдень отсюда все не так. В Стилге перед законом все равны. Даже братья-экзорцисты ордена Изгоняющих. На словах, конечно, но и это немало.

– Прямо по улице, господин экзорцист, – указал куда-то за карету десятник. – Как рынок пройдете, так сразу постоялый двор будет – «Жареный петух», не промахнетесь.

– Держи.

Я щелчком большого пальца отправил в воздух мелкую серебряную монетку, нисколько не сомневаясь в ее дальнейшей судьбе. Но нет – стражник промахнулся, и грош звякнул о брусчатку. Совсем они тут мышей не ловят. И не думаю, что в гарнизоне дела лучше обстоят. Сожрут их. Или Стилъг, или полуночный сосед – Норвейм. Да и между собой эти малые королевства, великие герцогства и прочие вольные баронства перегрызться могут запросто.

– Благодарю, господин...

Не слушая, я закинул на левое плечо ремень сумки и двинулся в указанном направлении. Узконосые сапоги – не такие уж и неудобные, как могло показаться на первый взгляд, – цокали по брусчатке набойками, в тон им звенели многочисленные серебряные колокольчики.

Цок-цок. Диги-дон, диги-дон. Цок-цок. Диги-дон...

Неудивительно, что все встречные заблаговременно переходили на другую сторону дороги, поспешно заскакивали в проулки и старательно отворачивались, боясь даже взглянуть в мою сторону. Ну как же, нельзя взглядом с экзорцистом встречаться, никак нельзя! Если уж они бесноватого зачаровать могут, просто посмотрев в глаза, то страшно даже подумать, что с простым человеком станется. Вот и от звона их колокольчиков молоко скисает...

Вскоре камни брусчатки под моими ногами сменили гнилые доски мостовой, и цокот набоек стих. Но жителей Роне-

ва так легко, оказалось, не провести, и они продолжили ша-
рахаться от меня почище, чем от мытаря. Как дети малые...

Впрочем, на огибающей рынок улочке прятаться было
особо некуда, и горожане торопливо жались в разные сторо-
ны, стараясь ненароком не коснуться моего плаща. В шуме
и гаме торгового района звон колокольчиков почти потерял-
ся, но, уловив на миг сбившийся перезвон, я, не глядя, ткнул
локтем за спину. Тут же крутнулся на каблуке и добавил реб-
ром ладони.

Второй удар вышел смазанным: пытавшийся срезать коло-
кольчик шельмец согнулся, зажимая сломанный локтем нос,
и получил не ребром ладони по шее, а серебряной накладкой
на обшлаге по лбу. Повезло. Совсем еще молоденький пар-
нишка, распластав руки, навзничь рухнул в дорожную грязь,
но никто из прохожих даже не замедлил шага. Разве что за-
мерший в подворотне соседнего дома крепкий парень сунул
руку под рваную куцую куртку, но перехватил мой взгляд
и решил не дергаться. Умный мальчик.

Больше ничего интересного по дороге в «Жареный петух»
не приключилось. Да и что интересного может случиться
в этом вшивом Роневе? Дыра! Хотя если разобраться, то вся
Марна – одна сплошная дыра. Будем надеяться, что хоть кло-
пов на постоялом дворе не окажется. На вино приличное
точно рассчитывать не приходится. Да оно и к лучшему.

Следивший за фыркавшими у коновязи лошадьми ма-
лец при моем появлении как ошпаренный бросился в дом,

так что хозяин постоялого двора успел выйти из кухни и встретил меня в обеденной зале.

– Господин экзорцист... – То ли сутулый от природы, то ли слегка горбатый мужчина торопливо вытер руки о грязный передник и наверняка собирался заявить, что его скромное заведение недостойно принимать у себя столь важную персону, «а вот на соседней улице...», но замолчал, сбитый с толку звоном серебряных колокольчиков.

Дин-дигидон-дин-дигидон.

– Таз горячей воды и обед принесешь в комнату, – не дав ему времени собраться с мыслями, заявил я. Уже обращал внимание – перезвон нашитых на одежду колокольчиков зачастую и нормальных людей путает. На бесноватых тоже, получается, должен действовать неплохо. – Съеду завтра.

– А... – видимо, решил прояснить вопрос с оплатой содержатель постоялого двора.

– Или мне спуститься пообедать сюда? – оглядел я просторную залу.

– Прошу, – пискнул моментально прикинувший возможные убытки хозяин. Его понять можно: мало того, что постояльцы разбегутся, так еще и слушок нехороший по городу сейчас же пойдет. Никто ведь не поверит, будто экзорцист здесь всего лишь на ночлег остановиться решил. – Проводи господина в угловую комнату, живо!

– На втором этаже? – шмыгнул носом получивший подзатыльник мальчишка.

– На втором занята. На третьем, – зло прошипел хозяин и, уже улыбаясь, мне: – Когда изволите отобедать?..

– Неси. Вина... Вина не надо. – Поправив врезавшийся в плечо ремень сумки, я направился вслед за мальчишкой.

Комната оказалась вполне себе ничего. Два окна, широкая кровать. В углу стол с заправленной лампадой. На стене рядом с рукомойником отшлифованная железная пластина. Разве что камин не затоплен, но холодно ночью быть не должно.

Молоденькая служанка – весьма симпатичная, если бы не побледневшее от страха личико, – принесла свежее постельное белье, перестелила кровать и чуть ли не бегом выскочила из комнаты. Дура.

Следом зашел давешний малец и поставил на пол у рукомойника бадью с горячей водой. Дождавшись притаившего поднос с обедом хозяина, я запер дверь и на всякий случай подсунул под нее заранее припасенный деревянный клин. Повесил на стул опостылевшие за время путешествия плащ и шляпу, кинул поверх полумаску и перчатки. Сапоги отправились в дальний угол комнаты, пояс с парой ножей заслужил более уважительного обращения, а вот кожаные штаны, жилетка и теплая рубаха... Нет, так не пойдет – мало ли в какой спешке собираться придется.

Аккуратно сложив одежду, я намылил подбородок, разложил вытащенную из сумки бритву и принялся соскребать колючую рыжую щетину. Отражение на отполированной же-

лезной пластине отчаянно кривлялось, и все же лучше так, чем опять бриться вслепую.

Много времени на приведение себя в человеческий вид мне не понадобилось, и, ополоснув лицо холодной водой, я снял крышку со стоявшего на подносе блюда. Что у нас здесь?.. Фаршированная щука. Плюс пара вареных яиц, два ломтя белого хлеба и зелень. Еще и кувшин с холодным пивом. Неплохо. Очень даже неплохо.

Расправившись с обедом, я вытащил из сумки три обтянутых кожей фолианта и переставил один из стульев поближе к окну. Пока не стемнело, стоит немного самообразованием заняться. Чуток почитаю – и спать. Денек завтра будет не из легких.

Вот только с чего начать? «Духи, бесы, призраки и особенности изгнания оных», «Бесноватость как она есть» или «Ритуалы изгнания младших бесов» с раритетным полным списком диспута сторонников догмы о младших бесах и приверженцев теории «скверны»?

Ладно, начну с «Бесноватости...», а там видно будет. Хорошо бы, конечно, переодеться в нормальную одежду, спуститься вниз да гульнуть как следует. Потом вернуться хоть с той же пугливой служаночкой и кувшином приличного вина и...

Ну нет – никаких «и»! Сегодня придется обойтись пивом и книгами. Не самая лучшая компания для молодого здорового организма, но могло быть и хуже. И уж точно будет ху-

же, если завтра с утра не смогу с похмелья голову от подушки оторвать. Так что книги, книги и еще раз книги. А потом – спать.

Разбудили меня на рассвете. Получивший мелкую медную монету хозяйский мальчишка не подвел и заколотил в дверь еще до первых петухов. Отчаянно зевая и ежась от прикосновения к телу холодной кожи, я наскоро оделся, прицепил на пояс ножны с серебряным серпом и достал полумаску. Вроде все.

Ан нет! Совсем забыл. Нашарив на дне сумки пару длинных, слегка изогнутых кинжалов, спрятал их под плащ. Думаю, со стороны ничего заметно быть не должно. Да даже если и углядит кто – не страшно. Имею право.

Утром Ронев показался еще более неприглядным городком, чем вчера по приезде. Уж не знаю, как такое могло быть, но те же самые дома и улицы сегодня вызвали неприкрытое отвращение. Грязь, серость и покрывающая все тень безнадеги.

Или дело во мне?

Поправив ремень сумки, я задумался об этом, но тут же решил, что не стоит забивать голову всякой ерундой. На деле сосредоточиться надо. Как-никак не развлекаться приехал.

И только под конец прогулки по словно вымершему городу я вдруг сообразил, что именно действовало на нервы с самого начала. Тишина. Предраассветная тишина пуховой пе-

риной накрыла Ронев, и даже звон серебряных колокольчиков не мог разорвать ее мертвой хватки. А вот когда городок начал оживать – захлопали ставни, загромыхал подковывавший лошадей кузнец, забрехали на ранних прохожих собаки, – сразу стало легче. Будто из дурного сна в нормальный мир вернулся. Какая тишина, какие кошмары? Захолустье, оно захолустье и есть.

Стороживший калитку у ворот тюрьмы стражник завернулся в плащ и прислонился к стене в небольшом, защищенном от дождя и ветра закутке. Впрочем, показное разгильдяйство оказалось насквозь мнимым – дежуривший в будке караул внимательно приглядывал за своим выставленным на улицу собратом.

– Стой, кто идет! – перехватив алебарду, завопил молодой парень. Из-за дождя звона моих колокольчиков он не слышал, а потому изрядно перепугался, углядев вынырнувшую из водной пелены фигуру в длинном плаще. – Замри, говорю!

– Ты, часом, не слепой? – не останавливаясь, поинтересовался я. Хлынувший некоторое время назад с неба ливень, как и предстоящее дело, вовсе не самым лучшим образом сказался на моем настроении. – Где начальник караула?

– Проходите, господин экзорцист, – лязгнул зубами служивый. И когда решил, что его уже не расслышат, горестно вздохнул: – Еще один! Принесла ж нелегкая...

Замерев на месте, я обернулся, но парень уже отвернулся и упорно делал вид, будто проглотил язык. Ничего не оставалось, кроме как распахнуть дверь и зайти в караулку.

– Вы по делу, господин экзорцист? – поинтересовался начальник караула, сидевший у печки, в которой весело трещали поленья. Пузатый дядька лет сорока окинул меня внимательным взглядом, так и не решившись, впрочем, взглянуть в лицо.

– Да. – Я положил сумку на пол и вытащил из нее футляр со списком письма коменданта тюрьмы в столичную миссию ордена Изгоняющих. – По делу.

– А! Так вы из-за бесноватого, будь он неладен! – вернул мне письмо старший, едва глянув на бумагу. – Опоздали, господин экзорцист. Брат-эзекутор из Пламенной Длани уже с час как приехал...

– Уверен? – подался вперед я.

– Да разве ж их с кем спутаешь? – с довольным видом развел руками охранник. – И письмо у него тоже было.

– Отведите меня к коменданту, – распорядился я.

Дело оборачивалось хуже некуда. Набравший большую силу в Норвейме и соседних королевствах, орден с бесноватыми не церемонился. Те, кому повезло, заканчивали свои дни на костре, а вот кому не повезло... Ладно, не будем о печальном.

– Не могу, – пожал плечами начальник караула. – Дела у вас, господин эзекутор, получается, уже нет, а господин

комендант страсть как не любит, когда его без должной причины беспокоят.

– Немедленно! – скрипнул зубами я.

– Сию минуту! – вскочил на ноги стражник. Уж не знаю, что он сумел разглядеть в моих глазах, но с лица заметно сbledнул. Выходит, все верно разглядел. – Яр, проводи господина экзорциста...

Внутренний двор, решетка, длинный темный коридор, открытый переход, лестница на второй этаж, караулка, снова коридор.

Путь до коменданта отложился в моей памяти плохо; в голове стучала одна только мысль: опоздал, опоздал, опоздал!

Ни чад факелов, ни вонь тюремных помещений не были способны ни на минуту отвлечь от заставлявшего бешено колотиться сердце предчувствия. Неужели все? Или что-то еще можно сделать?

Рывком распахнув дверь в секретарскую коменданта, охранник представил меня заспанному писарю и моментально умчался прочь. В полутемном помещении, кроме секретаря и двух охранников, никого не было, и я едва сдержал горестный вздох.

– Как вас записать, господин экзорцист? – прикрыв рот ссохшейся от старости ладонью, зевнул писарь.

– Так и запишите. – Я направился к двери в рабочий кабинет коменданта. – Брат-эзекутор у господина коменданта?

– Да, он осмотрел бесноватого и только что вернулся... –

кивнул старик и всполошился: – Но мне нужно имя!

– Разве жалкий набор звуков может передать уникальность человеческой души? – не оборачиваясь, бросил я и уставился на перегородившего дорогу охранника. – Ну и?

– С оружием нельзя, – указал на серп долговязый усатый ветеран. Якобы сонные глаза внимательно обшарили плащ, и, думаю, не совпади количество и форма колокольчиков с должными, сидеть мне в одиночной камере до скончания веков.

– Это ритуальная вещь, – возразил я и кинул сумку на пол.

– Позволите?

– Пожалуйста.

– Проходите, – разрешил ветеран, осмотрев покрытое черными символами серебряное лезвие, и, словно извиняясь, добавил: – Служба есть служба...

– Пустое, – отмахнулся я и распахнул дверь.

– Не пускаясь в пространные рассуждения, сразу могу сказать: ваш заключенный... – закинувший ногу на ногу худощавый мужчина с щегольскими усиками запнулся, поднялся из придвинутого поближе к столу коменданта тюрьмы кресла и отсалютовал мне хрустальным бокалом, – ваш заключенный меня не заинтересовал, но вот брат-экзорцист, думаю, не откажется уделить ему свое драгоценное время.

– Уделю, – уставился я на экзекутора. И какая нелегкая занесла его в эти края? Некстати, совсем некстати.

– Вот и замечательно! – Щеголь допил вино и поставил

бокал на стол. В отличие от меня, рабочее одеяние – короткую кожаную куртку с серебряными заклепками, полностью закрывавшую лицо маску и длинный фартук – он успел сменить на коричневый камзол и бриджи для верховой езды. А вот для заляпанных грязью сапог замены не нашлось, да и потертые ножны с саблей тоже служили своему владельцу явно не первый год. Из благородных? Должно быть. Тонкие черты лица, изящные пальцы, длинные, слегка выющиеся волосы. Двигается легко, будто танцор или опытный фехтовальщик. Такой своего не упустит, так какого беса он работу на меня перекинул? Что-то заподозрил? – Благодарю за гостеприимство, но позвольте с вами раскланяться...

– Не останетесь на завтрак? – с легким разочарованием в голосе уточнил вслед за гостем поднявшийся на ноги обрюзгший комендант, который не обратил на меня ровным счетом никакого внимания. Ну, это и понятно: вон дворянский перстень на пальце. Скучно ему тут, бедолаге. Только вот человек его круга заглянул, и надо же такому случиться – сразу уезжает.

– Дела, дела... – Экзекутор махнул на прощание шляпой с длинным синим пером и остановился в дверях. – Надеюсь, кто-нибудь донесет мои вещи до кареты?

– О чем речь! – всплеснул руками комендант. – Эдмунд, ты слышал?

– Да, господин комендант, – откликнулся из коридора тот самый ветеран.

– Потом проводи господина экзорциста до камеры его сиятельства, – потянулся за графином с вином комендант и поспешил от меня избавиться: – Если что-то понадобится, обращайтесь к старшему надзирателю.

– Непременно, – все еще не веря в такую удачу, кивнул я и вслед за охранником направился на выход. – Непременно...

Камера бесноватого находилась в тюремном подвале. Нет, вряд ли «подвал» – подходящее слово. Подземелье?.. Тоже не то.

Вполне возможно, при наличии свободного времени я бы сумел подобрать название для каменного мешка, запрятанного в самом дальнем уголке нижнего тюремного уровня, но, честно говоря, сейчас моим единственным желанием было убраться отсюда подобру-поздорову. Пока есть такая возможность. Едва разгоняемая чадающими факелами тьма, пронизывающий даже сквозь плащ холод, постоянно капающая с потолка вода и невыносимая вонь делали пребывание в подвале сродни заточению в чреве ледяного змея. А то и того похуже...

И ладно бы здесь одних бесноватых содержали – так нет, тут и одиночные карцеры, тут и казематы смертников. Понятно, что обитатели ни первых, ни вторых апартаментов здесь надолго не задерживаются, но и пару дней пребывания в таких условиях без ущерба для собственного рассудка мог

выдержать далеко не каждый. Впрочем, застенки для душевнобольных особым комфортом тоже традиционно не отличались.

– И давно он в таком состоянии? – поморщился я, когда отвечавший за тюремный подвал надзиратель собственноручно отпер дверь в камеру к бесноватому. Сделал он это без особой опаски: открывшийся дверной проем перегораживала добротная решетка. Почти не ржавая, что по местным меркам – нечто из ряда вон. Еще и петли маслом смазаны!

– На второй день, как сюда привезли, припадок приключился. Получается, послезавтра полудекада будет, – припомнил державший факел Эдмунд. – Сначала решили, умом повредился, а главный медик ни в какую: одержимость это. Думали, настоятель монастыря поможет, да только не взялся он беса изгонять.

– К стулу, говорю, давно его привязали? – уточнил вопрос я.

Руки и ноги очень худого мужчины лет сорока были примотаны кожаными ремнями к добротному дубовому стулу, намертво приколоченному железными штырями прямо к полу. По всклокоченной бороде текли слюни, черный зрачок растекся почти во весь правый глаз. Левый глаз был закрыт, и из него сочились редкие слезинки. На первый взгляд бесноватый ничем не отличался от какого-нибудь запойного мужика, но ведь внешность обманчива, не так ли?

– А! Это! – фыркнул охранник коменданта. – Перед приходом экзекутора. Господин комендант распорядился.

– С час назад, – уточнил старший надзиратель. – У меня все отмечено.

– Отпирайте, – тяжело вздохнул я. – Экзекутор-то чего делал?

– Ходил, смотрел, пальцем в глаз вон залез. – Надзиратель начал подбирать ключ к замку решетки. – Еще жег чего-то, только-только вонь выветрилась...

– Пусть жаровню принесут. – Пропустив вперед Эдмунда, я прошел в камеру и обошел вокруг стула с бесноватым. Тот на наше появление никак не отреагировал и продолжил отрешенно качать головой из стороны в сторону. – Говорил чего экзекутор?

– Бормотал что-то себе под нос. – Тюремщик кликнул помощника и повесил кольцо с ключами на пустующий крюк для факела. – Но ничего путного. Шибко слова умные были.

– При его разговоре с господином комендантом вы присутствовали, – напомнил мне Эдмунд.

– Присутствовал, – кивнул я. Но тоже ничего не понял. Орден Пламенной Длани уничтожал бесноватых по всей полуночи, а тут вдруг такая разборчивость. По спине вновь пробежали мурашки. – Этого за что сюда?

– Заговор против его величества Альберта Второго учинил, – просветил меня охранник коменданта. Одержимый открыл второй глаз и зарычал. – Всех на плаху, а у господина

маркиза слишком благородная кровь оказалась. На пожизненное к нам отправили.

– Понятно.

Присев рядом с принесенной двумя охранниками жаровней, я вытащил из сумки несколько перевязанных тесьмой пучков трав и кинул на угли. Перебивая вонь, по камере распространился едкий аромат полыни, а моментально закашлявшийся бесноватый вместе с кровью выплюнул несколько фраз на неизвестном языке.

– Я это... Позовете! – выскочил в коридор старший надзиратель.

– Факелов пусть принесут! – крикнул ему вдогонку я. Добавил на угли несколько засохших комочков сосновой смолы, полпригоршни истолченного листа зверобоя, крапивы и чертополоха. Этого явно было недостаточно, и, скovyрнув пробку, я поднес к носу маркиза бутылек черного стекла.

Бесноватого начало трясти, зрачки уменьшились и стали размером с булабочные головки, а глаза налились кровью. Стул затрещал, на руках набухли вены, ремни глубоко врезались в кожу. Казалось, еще немного, и заключенный разорвет путы, и обеспокоенный Эдмунд несколько раз для пробы взмахнул короткой дубинкой.

– Стой, – одернул его я и накинул на шею маркиза ожерелье с оправленными в серебро изумрудами, янтарем, бирюзой и несколько неуместно смотревшимся здесь змеевиком. На заключенного будто ушат холодной воды вылили. Он враз

обмяк, а из уголка рта вновь потянулась тоненькая струйка слюны.

– Извините, если отвлекаю, господин экзорцист, – охранник коменданта отошел к двери, когда прибежавшие стражники закрепили на стенах факелы и в камере сразу посветлело, – но отчего люди становятся одержимыми? Как бесы выбирают своих жертв? И только ли в бесах дело?

– Да как вам сказать? – Я обильно посыпал пол серым порошком из провощенного пакета, и влажный камень моментально высох. Потом достал широкую кисть с беличьим ворсом и принялся сметать в сторону образовавшийся бурый налет. – Есть две общепринятые теории, и даже на Великом Соборе не удалось свести их воедино.

– И что это за... теории? – запнулся на незнакомом слове охранник.

– Основатели моего ордена были убеждены, что бесы рвутся в наш мир. И в ущербную из-за греховных помыслов душу им проникнуть проще, но и только. А экзекуторы, будь они неладны, во главу угла ставят нравственную чистоту человека. Будто бы это греховные помыслы и деяния притягивают к себе еще большую скверну.

– И поэтому нет смысла бесов изгонять, раз причина в человеке? Они не жертвы, но соучастники? – догадался Эдмунд. – Надежней отправить на костер.

– Точно, – кивнул я и достал из сумки кусок известняка. Рукавом вытер зашмыгавший из-за холода и сырости нос

и начал вписывать стул с маркизом в пентакль. Убедившись, что белые линии нигде не прерываются, обвел пятиконечную звезду неровным кругом и поднялся с колен. – Ну а мы хоть и не считаем, что бесноватые суть образцы благочестия, но уверены: если кто-то получит второй шанс, хуже от этого не будет. Напротив – такой человек только укрепитесь в своей вере.

– Вашим словам недостает убежденности, – покачал головой охранник.

– Да ну? А чем я, по-вашему, занимаюсь? От нечего делать развлекаюсь?

– Нет, просто брат-эзекутор был куда более уверен в собственной правоте, – смутился Эдмунд.

– Фанатик, – хмыкнул я и вернулся к нанесению на пол сложной вязи ритуальных символов.

– Он говорил, – ветеран пропустил мои слова мимо ушей, – будто изгнанная из одержимого скверна не исчезает, а ищет новую жертву. После смерти же бесноватого она остается в мертвом теле.

– Любопытная теория, – кивнул я, припоминая соответствующую главу пухлого тома «Бесноватость как она есть». – А вот мы считаем, что изгнанный бес оставляет частичку себя в нашем мире и возвращается в преисподнюю ослабленным. Если же дело заканчивается смертью одержимого, то бес забирает с собой душу человека и становится сильнее. Именно поэтому бесноватые склонны к самоубийствам.

– Почему бы вам не организовать философский диспут? – прищурился из-за заполнившего камеру дыма тлевших в жаровне трав Эдмунд, внимательно наблюдавший за тем, как я расставляю свечи в вершины пентакля.

– И мы, и они слишком заняты своим делом, чтобы устраивать представления для развлечения черни и скучающих бездельников из благородных, – намеренно более резко, чем следовало, ответил я. Кто ты, господин охранник? И откуда слова такие умные знаешь? Поддашься на провокацию или промолчишь?

Эдмунд промолчал.

Я зажег все пять свечей, аккуратно снял с шеи одержимого ожерелье и принялся хлопками отбивать нехитрый ритм. Начавший было выкрикивать непонятные слова, маркиз на шестом хлопке замолчал и до крови прикусил губу. И это было весьма кстати: от переходивших в истошные вопли криков закладывало уши.

Окулив его дымом тлевших в жаровне трав, я раскрыл кожаный футляр и осторожно, за тонкую цепочку, выудил оттуда оправленное в серебро зеркальце. Бесноватый тут же завороченно уставился на монотонно раскачивающийся перед его носом амулет. Уставился страшно, мертво – двигались одни лишь зрачки, онемевшее же лицо своей отрешенностью теперь больше напоминало фарфоровую маску.

В теории все просто: гипноз погружает человека в транс, и этот нехитрый вроде бы трюк лишает бесов возможности

скрываться в глубинах чужого подсознания. Это в теории – *«Бесноватость как она есть»*, глава *«Зеркала и оптические иллюзии»*.

На практике дело обстояло несколько иначе: очень уж неприятный и болезненный процесс – изгнание потустороннего существа. Куда там вырыванию зубов и отрезанию конечностей! Тут человек сам становится полем битвы между бесом и экзорцистом, и зачастую одного только гипноза оказывается недостаточно, чтобы уберечь разум одержимого от разрушения.

Не дожидаясь, пока маркиз окончательно перестанет осознавать реальность, я разжал специальным ножом его зубы и влил в рот заранее приготовленную микстуру. Обычное дело – даже опытные экзорцисты предпочитают подстраховаться. Куда уж мне! Думаю, Эдмунд сразу понял, что имеет дело с новичком. Отсюда и расспросы. Надо бы только прояснить один момент...

Тяжело переведя дух, я бросил на жаровню новую порцию трав и обнажил серебряный серп. До конца ритуала изгнания оставалось еще немало, но сейчас приближался самый ответственный момент – факелы светят достаточно ярко и надо попытаться отсечь от маркиза его тень, чтобы лишить беса последней возможности бегства. *«Ритуалы изгнания младших бесов»*, том первый, глава *«Тени, как двери в потусторонний мир»*.

Взмах серебряного полумесяца, к моему немалому удив-

лению, и в самом деле заставил тени затрепетать. Рука ощутила странное сопротивление; почудилось, будто в камере посветлело, но тут в горле маркиза вдруг что-то заклокотало. Он судорожно сглотнул, захрипел и уронил голову на грудь. В голос выругавшись, я стянул перчатку, откинул длинные волосы с костлявой шеи бесноватого, но, как ни старался, не смог уловить ни малейшего биения пульса.

– Лекаря, быстро! – развернулся я к охраннику коменданта. – И старшего надзирателя зови! Живее!

Эдмунд выскочил в коридор, рывкнул на стражников и сразу же вернулся.

– Что с ним? – ошарашенно уставился он на обвисшего на стуле заключенного.

– Мертв, – пожав плечами, буркнул я и начал тушить свечи.

– Это понятно. – Охранник остановился перед пентаклем, не решаясь ступить дальше. – Но почему?

– Такое иногда бывает. – Поняв наконец причину замешательства Эдмунда, я подошвой стер часть прочерченного на полу круга и принялся собирать вещи. – Теперь можно.

– Благодарю, – бросился тот к маркизу и убедился в правоте моих слов: заключенный не дышал. – Но почему?

– Возможно, бес успел полностью пожрать его душу, возможно, просто оказался слишком силен. – Заслышав топот ног в коридоре, я поторопился закрыть сумку и поднялся с колен. – Экзорцизм как наука еще находится в стадии ста-

новления. И мы не скрываем, что знаем пока слишком мало.

– Умер?! – взвыл заскочивший в камеру старший надзиратель. – Это ж надо! Именно в мою смену!

– Такое иногда случается, – как можно спокойней вновь повторил я. – Разве раньше бесноватые не умирали?

– Раньше они умирали всегда. – Старший надзиратель хлебнул из кожаной фляги вина. – На костре при большом скоплении народа. А не в моем подвале!

– Сколько помню, бесноватыми всегда занимался глава столичного отделения ордена Пламенной Длани Ян Верг. Тот самый экзекутор, которого вы у коменданта встретили, – объяснил Эдмунд. – От него никто ничего другого и не ждал. Королевским ревизорам хватало одной расписки...

– Надеюсь, и моей будет достаточно, – хмыкнул я.

– А тело? Это ж сколько мороки! – горестно вздохнул надзиратель и вдруг оживился: – Слушай, Эдмунд, а давай вытащим его во двор и сожжем, а? Никто ж не узнает, живой он был или мертвый!

– Забудь, – отмахнулся от него охранник коменданта. – И готовь бумаги на передачу тела на тюремное кладбище.

– Разве его не выдадут родственникам? – уточнил я, в принципе имея представление о принятой в тюрьме процедуре.

– Нет, – мотнул головой Эдмунд. – В королевском указе ясно звучало, что маркиз останется здесь навсегда. И смерть не является основанием для помилования. Его похоронят

на тюремном кладбище.

– Простых-то мы родственникам выдаем. – Захмелевший старший надзиратель снова приложился к фляге и подмигнул: – За определенную мзду. А голытьбу всякую – прямоком в печь. Но у маркиза-то, у маркиза отдельная могилка будет!..

– Хватит пить. – Охранник коменданта вырвал у болтуна фляжку. – Старик учует – греха не оберешься!

– Старик? – удивился я.

– Главный медик, – буркнул Эдмунд.

– Понятно. – Я отряхнул пыльные колени кожаных штанов. – Что за день такой сегодня? И что бы экзекутору за это дело не взяться? Вот удружил так удружил!

– Сам удивляюсь, – кивнул Эдмунд. – Первый раз с ним такое.

– Так-так-так. Что у нас здесь стряслось? – Растолкав не успевших податься в стороны охранников, в камеру заскочил маленький сухонький старичок в меховой шапке и теплом плаще. Потянув носом воздух, он моментально обернулся к забившемуся в угол старшему надзирателю: – Пил?

– За упокой его сиятельства, – не растерялся тот. – В рамках этикета...

– Ну, смотри у меня, – погрозил пальцем лекарь, потом отвлекся на труп и сразу же позабыл обо всем на свете. Несколько минут он кружился вокруг сидевшего на стуле мертвеца, оттягивал ему веки, залезал пальцами в рот и на-

конец повернулся к нам: — Какие-то микстуры давали?

— Да, — опередив меня, ответил Эдмунд. — Господин экзорцист изгонял беса и...

— Понятно. Ослабленный организм маркиза этого просто не выдержал, — пришел к логичному в этой ситуации выводу старик. — Значит, нам остается только убедиться, что он действительно мертв.

— Убедиться? — не поверил я собственным ушам.

— Разумеется! Похоронить его светлость живым будет по меньшей мере неучтиво, — усмехнулся медик и, заметив жаровню с углями, не раздумывая, сунул в нее широкий нож с обухом в палец толщиной. — Сколько хитрецов трупами прикидывалось! Но у нас свои методы...

— Что за варварство? — возмутился я, достал из сумки длинную спицу и насквозь проткнул еще не успевшую оконечить кисть мертвеца. Крови не было, маркиз, разумеется, и не поморщился. — Какие доказательства еще нужны?

— Впечатляет. — Медик вынул из жаровни нож с раскаленным докрасна лезвием. — Но мы уж по старинке... — Он легко опустился на одно колено, ухватил босую ступню мертвеца и сунул лезвие между мизинцем и безымянным пальцем. Шипение, вонь горелой плоти. — Вот и все. Теперь составим бумагу и передадим тело на кладбище.

— Бумаги будем заполнять наверху? — поежился я. — Надеюсь, это не займет много времени. Мне надо успеть на вечернюю почтовую карету в Сарин.

– Боюсь, господин экзорцист, ничего не получится. – Старик вытер пальцы о полу плаща.

– С чего бы это? – насторожился я.

– Нет уверенности, что ритуал изгнания доведен до конца, – как само собой разумеющееся заявил тюремный медик, который подозрительно хорошо знал правила ордена Изгоняющих. – В этом случае первую ночь экзорцист должен провести рядом с трупом, чтобы помешать бесу вновь завладеть лишенным души телом.

– Ритуал был проведен надлежащим образом, – возразил я.

– У меня имеются большие сомнения на этот счет, – твердо заявил старик. – И я лично поставлю в известность и коменданта, и казначея. Хотите получить плату – придется присмотреть за трупом сегодняшней ночью. Хотя платить вам, господин экзорцист, особо не за что.

– Ночь на тюремном кладбище? – обреченно вздохнул я. Вот бес! Терять целые сутки было никак нельзя. Особенно в свете последних событий.

– Ночь. На кладбище, – отрезал медик. – И стандартная плата за изгнание увеличена не будет.

– Твою мать! – так, чтобы никто не расслышал, выдохнул себе под нос я. – У меня есть предложение получше.

– Сжечь труп? – обрадовался старший надзиратель, но сразу же заткнулся, когда его незаметно для медика ткнул в бок Эдмунд.

– Вот, – вытащил я из сумки два потертых серебряных медальона размером с ноготь большого пальца и мешочек серебряных же гвоздей с крестообразными шляпками. – Медальоны положите на глаза, гвоздями заколотите гроб. И похоронить маркиза надо до заката. Советую с этим не тянуть. Да! К телу лишний раз лучше не прикасайтесь. Мало ли...

– Этого будет достаточно? – взвесил в руке мешочек с гвоздями сверливший меня пристальным взглядом старик.

– Вполне, – кивнул я и закинул ремень сумки на плечо. – И не забудьте подготовить расписку о получении серебра.

– Непременно. – Медик спрятал мешочек в кошель. – Эдмунд, проводи господина экзорциста в канцелярию, начинайте оформлять бумаги. Эй, бездельники! Ну-ка помогите...

– Не тяните с похоронами, – еще раз напомнил медику я и направился на выход из камеры. – Не тяните!..

II

Хорошее правило – меньше знаешь, крепче спишь. Не суй нос в чужие дела, и все будет хорошо. Ну или, по крайней мере, тебе его случайно не прищемят. Многие люди избежали бы кучи неприятностей, следуй они этому правилу. Да только такова уж человеческая натура, что запах чужих тайн манит ничуть не меньше, чем звон полновесных золотых монет. Непонятно кем пущенные слухи; обрастающие

массой невероятных подробностей сплетни; байки, из которых уже и не вышелушить изначальное зерно истины, – будьте уверены, найдется и на них любитель покопаться в чужом грязном белье.

Но некоторые пошли дальше – они сделали тайны своим ремеслом, своим оружием. Таких полно и на улице, и в королевском дворце. Кто с кем спит, кто чего стащил и где спустил. Верные ставки, наводки, скелеты в шкафу, тайники и клады. Интриги, заговоры, секреты и совсем уж невероятные подробности частной жизни внешне добропорядочных обывателей.

Стражники, частные шпики, наводчики, стукачи и соглядатаи стараются изо всех сил, но они зачастую и не подозревают, что где-то рядом плавают хищные рыбыны совсем другого калибра. Некоторые улавливают расходящиеся от этих монстров волны, другие и не догадываются, отчего начинаются войны, рушатся банкирские дома и скоропостижно умирают высокопоставленные вельможи. Но скрывающиеся во тьме игроки вовсе не тщеславны: громкие титулы, ордена и всеобщее восхищение не для них. Они просто делают свою работу. И если об этих людях мало кто слышал – значит, работа сделана хорошо.

Бродячего проповедника, по случайному совпадению приехавшего в Ронев накануне, я нашел неподалеку от рынка. Все необходимые бумаги к этому времени уже были

оформлены, золото до последнего шелега получено, да и съе-
хать с постоянного двора удалось без проволочек – благо хо-
зяин такому повороту событий был безумно рад. Так что,
наскоро перекусив, я пешком отправился к отделению коро-
левской почты, откуда через несколько часов отъезжала ка-
рета в Сарин. Времени в запасе оставалось в избытке, так по-
чему бы не прогуляться по городу? И что с того, что Ронев –
провинциальная дыра? Все лучше, чем напиваться дрянным
пивом или разбавленным вином на постоялом дворе. И реши
кто-то присоединиться ко мне в прогулке по городу – неза-
метно, следуя где-нибудь в отдалении, – он бы, несомненно,
уверился, что господин экзорцист просто-напросто пытает-
ся убить время. Отчасти это была чистая правда, но только
отчасти...

– Век человеческий недолог, и оттого люди увлекаются
плотскими радостями, забывая о бессмертии души. А ведь
только исполнение заветов Святых может даровать достой-
ное посмертие, – вещал взобравшийся на сооруженный по-
среди широкого пустыря помост бородастый и нечесаный
проповедник. – Изначальный Свет дарит душе человеческой
бессмертие, но Тьма и ее слуги готовы пойти на любые хит-
рости, чтобы совратить ее, наполнить скверной и обречь
на вечные муки в Пустоте. Бесам невыносим любой отблеск
Изначального Света, и чем больше душ людских они гасят,
тем сильнее становится Тьма. Опомнитесь! Отбросьте гре-
ховные помыслы и восславьте Святых, ибо лишь их заступ-

ничество сдерживает голодных тварей, заточенных в безвременье! Святые поведут нас на последнюю битву, на битву, в которой Изначальный Свет должен будет окончательно и бесповоротно превозмочь Извечную Тьму!

Собравшихся послушать увещевания проповедника было не так уж и мало – лениво переговариваясь между собой, мести раскисшую от дождя грязь десятка три горожан. Откровения старца они в большинстве своем пропускали мимо ушей – просто для такой дыры, как этот городок, приезд бродячего проповедника с кучкой последователей служил не самым худшим развлечением.

– Какая чушь! – устало вздохнул я, и стоявший на краю пустыря мужчина в промокшей войлочной шляпе, башмаках со стоптанными деревянными подошвами и в залатанном сером плаще кивнул, соглашаясь с моими словами.

– Он слишком вольно трактует откровения преподобного Модеста Оражского. – Мужчина решил, что нашел благодарного слушателя, и двинулся рядом со мной по переулку. – Эти откровения и сами по себе не носят канонического характера, а в таком изложении не могут применяться вовсе. Я неоднократно обращал на это внимание достопочтенного Огюста, но он не желает прислушиваться к гласу рассудка!

– О! Так вы знакомы с проповедником? – хмыкнул я и огляделся по сторонам.

– Так и есть. – Мужчина обернулся к оставшейся в отдалении толпе и поджал губы. – Какого беса ты сюда приперся?

– Брожу по городу, у меня полно времени до вечерней кареты, – пожав плечами, не обратил я никакого внимания на тон собеседника. – Увидел проповедника, подошел. Меня, знаете ли, всегда интересовали вопросы теологии.

– Ага, когда кошельки на рынке срезал и по подворотням людям руки-ноги ломал, ты только о теологии и думал, – буркнул мужчина, которому по долгу службы была известна вся история моей жизни. Малькольм Паре, граф Ронский, барон Лир и прочая был не последним лицом в королевской тайной службе Стильга. Правда, узнать его в этом оборвыше не удалось бы и собственной жене. К тому же сейчас господин граф возглавлял торговое посольство в Пахарту. – Что с маркизом?

– С маркизом все хорошо, – ухмыльнулся я. – Будет. Если его выкопают этой ночью. К утру он уже очнется.

– Тогда что случилось? – Граф в упор уставился на меня. Вообще, организовать побег мятежному маркизу проблем бы не составило и без моего маскарада – в прогнившем насквозь королевстве купить можно было любого. Но в этом-то и заключалась главная проблема: с такой же легкостью любого и продают. А слухи... слухи в этом деле ни к чему. Прознай кто о спасении маркиза, и его ценность для Стильга сразу упадет ниже некуда. Вот и пришлось разыграть спектакль со мной в роли заезжего экзорциста.

– Информатор, который держал связь с маркизом и который проведет вас на кладбище, человек надежный? – Я за-

медлил шаг, подбирая слова.

Выкрасть маркиза мертвого оказалось гораздо проще, чем живого. Тюремная охрана неплохо зарабатывала, продавая предназначенные к сожжению тела родственникам по куда более умеренным расценкам, нежели собственное начальство. Да и свой человек среди канцелярских крыс тоже пришелся ко двору. Вот только были у меня насчет него большие сомнения...

– Я держу его за яйца, – пожал плечами Малькольм. – И держу крепко. Все ясно?

– Тогда поинтересуйтесь у этого кастрата, какого беса он заранее не предупредил, что комендант предпочитает работать с одним и тем же экзекутором, неким Яном Вергом? Который сегодня успел первым пообщаться с маркизом!

– Бесов трус! – зарычал граф и неожиданно ухмыльнулся. – Нашел-таки способ оставить меня в дураках, чернильная душа! Как все прошло?

– Разумеется, экзекутор сразу понял, что маркиз ломает комедию...

– Но, раз прибыл экзорцист, ничего коменданту не сказал? – догадался Малькольм. Все верно, у Пламенных не самые лучшие отношения с Изгоняющими. И это еще слабо сказано. – Значит, он захотел, чтобы ты тоже помучился, выводя симулянта на чистую воду?

– А вместо этого маркиз отправился к праотцам, и когда экзекутор об этом узнает...

– ...то непременно начнет травить эту байку на каждом углу, – вновь перебил меня граф. – Придется тебе им заняться.

– Узнайте, куда он отправился. – Я поправил врезавшийся в плечо ремень сумки. В любом случае сначала придется добраться до Сарина и вернуть одежду и вещи одному неравнодушному к золоту брату-экзорцисту. Чтобы он не натворил глупостей, за ним приглядывали два моих парня, но тянуть с возвращением не стоило: в приграничный со Стильгом городок экзорцист прибыл по делам. – Пока еще не поздно...

– Отправляйся в Сарин, – несказанно удивил меня наморщивший лоб Паре. – Экзекутор с двумя слугами выехал туда за час до полудня. Если повезет, перехватишь в городе, нет – знаешь, к кому обратиться. Тебе помогут взять след.

– Если вы знали о приезде экзекутора...

– Не знали, – развеял мои сомнения Малькольм. – Наш человек дежурил на воротах, когда тот уже покидал город. Не упусти его, Себастьян. Если запорем эту операцию, окажемся в такой заднице, что тебе и не снилось.

– Что-то случилось? – насторожился я, уловив какую-то недосказанность в словах графа. Да и тон его мне не понравился категорически. Иные висельники с родными и то веселей прощаются.

– Не слышал, что ли? – вновь неспешно зашагал по переулку Паре. – Накануне коронации Эдварда Второго в Лансе арестовали всех наших людей. Всех до единого!

– Предательство?

– Всех агентов не знал даже я, – невесело усмехнулся Малькольм. – Нет, в Лансе что-то непонятное затевается...

– Говорят, и со смертью Эдварда Первого не все чисто?

– Многие говорят, – кивнул граф. – Одна надежда, что они с Норвеймом сцепятся.

– Хорошо бы...

– Ладно, это все к делу не относится. Ты, главное, экзекутора не упусти. Очень тебя прошу.

– Постараюсь, – буркнул я и, не прощаясь, зашагал к почтовому отделению. Большая политика сейчас меня интересовала мало. Куда сильнее волновал вопрос, что именно понадобилось экзекутору в Сарине. Вот и экзорцист туда по делам приехал...

Почтовой кареты я дожидаться не стал. Побродив какое-то время по площади, отправился к полуденным воротам, нанял экипаж и уже через пару часов был в небольшой рыбацкой деревеньке на берегу Щучьего озера. Никаких дел там у меня не было и, пугая своим видом моментально разбежавшуюся по хатам детвору, я протопал напрямик к пристани. Желающих уплыть на ближайшей лодке сразу заметно поубавилось, да и оставшиеся выглядели не шибко счастливыми от такого попутчика. Какая-то тетка с великовозрастной дочуркой, хмурый коробейник с двумя то ли охранниками, то ли племянниками и нервно теребивший сумку с эмблемой гильдии лекарей малец. Подмастерье домой на кани-

кулы отправился, не иначе.

Меня предстоящее путешествие по озеру тоже особо не вдохновляло, но другого способа нагнать экзекутора или хотя бы наверстать упущенное в тюрьме время в голову не приходило. На почтовой карете быть мне в Сарине завтра к полудню. Если не к вечеру. Слишком много деревень и поселков по пути. Да и кучер никуда не торопится, ему не за это деньги платят. И на ночь он, как только темнеть начнет, остановится. Другое дело – лодка. Щучье озеро не широкое, вытянутое. Если объезжать, полдня потерять можно. Напрямик, при попутном ветре – от силы час. Думаю, экзекутор не будет гнать лошадей, и в Сарин мы прибудем почти одновременно. Но тут уж как карта ляжет.

О! Вон и лодка показалась. Надеюсь, они из-за непогоды не решат на этой стороне заночевать. Да нет – не должны. Волны невысокие, дождь утих, только морось в воздухе и висит. И людей как-никак прилично собралось.

Волновался я напрасно. Стоило сойти на пристань прибывшим с той стороны пассажирам, как настороженно поглядывавшая на небо команда начала готовиться к обратному отплытию. Ветер крепчал, показавшиеся было разрывы в тяжелых облаках вновь затянуло, но хозяин бившейся бортом о доски пристани лоханки не желал упускать идущий в руки заработок.

Все, отчалили...

– Сходим, сходим живее! – заорал старший матрос, как только сгучавший на пристани паренек закрепил кинутый ему конец каната.

Хлипкие сходни шатались под ногами, шибавшие в борт волны раскачивали лодку, и пассажиры, по мнению команды, слишком уж медленно и неторопливо перебирались на пристань. Впрочем, на эти крики никто особого внимания не обращал. Кричит – и пусть себе кричит. Работа у человека такая.

Выругавшись, я поправил чуть не сорванную ветром с головы шляпу и посмотрел на небо. Уже темнеет.

Погода преподнесла неприятный сюрприз, когда лодка была в середине озера: ветер сменился на встречный, и плавание заняло куда больше времени, нежели обычно. Так что добраться до Сарина сегодня мне все же не светило. Можно, конечно, попытаться подыскать попутчиков, да только, того и гляди, гроза начнется. Нет, в такую непогоду, да еще под вечер, никто в дорогу точно не отправится. Одна надежда – экзекутор в пути тоже задержится.

Бывать в этой деревеньке раньше – в более привычном обличье – мне доводилось неоднократно, и, закинув на плечо ремень дорожной сумки, я направился к видневшейся за лодочными сараями островерхой крыше. «Пьяный пескарь» – не то место, куда, остановившись один раз, хочется возвращаться снова и снова, но выбирать не приходилось. Пытаться напроситься на постой к какой-нибудь горячей вдовуш-

ке в моем положении чревата весьма неприятными последствиями.

Слухи и сплетни, будь они неладны! Слухи и сплетни...

Снять комнату проблем не составило. Корчмарь, правда, как ему думалось, незаметно складывал пальцы в отгоняющие зло фигуры, но и только. Рыба оказалась подгоревшей, вино – кислым. На обслуживавших посетителей девиц я даже не глянул. Вряд ли с прошлого раза они похорошели. Да и не до того сейчас – пора спать ложиться: как удалось выяснить с помощью пары подзатыльников и медяка у приглядывавшего за двором корчмы мальчонки, каждый день еще до рассвета в город уходили возы с ночным уловом. И что-то мне подсказывало: торговцы рыбой не откажут экзорцисту в пустячной просьбе подвезти до Сарина. Вот только вставать придется ни свет ни заря. Нет, определенно надо выспаться.

– Господин экзорцист! Господин экзорцист!

Стук в дверь вырвал меня из полудремы, когда я уже отложил толстенный том «Бесноватости...» и задул свечу. Интересно пишут, бес их заberi! А мне, кроме донесений да перехваченной корреспонденции, ничего в последнее время читать и не доводилось.

– Чего надо?! – выдернув из ножен лежавший под рукой кинжал, раздраженно рявкнул я.

– Господин экзорцист, беда! – Молодой парень перестал колошматить в дверь и запричитал: – В гостью бесы всели-

лись! Помогите!...

– Проваливай! – зарычал я и брякнул первое, что пришло в голову: – Гонца в город отправляйте!

– Она совсем плохая, – и не подумал отстать от меня парень. – Ночь эту может и не пережить, а ее отец хорошие деньги предлагает. Десять золотых!

– Стилгских крон?

– Нет, шелегов!

– Не интересуется, – вновь отказался я. – Проваливай, кому сказано!

Почему фальшивомонетчики не подделывают марнийские шелеги? Да потому, что в подделках золота зачастую оказывается больше, чем в настоящих! Шутка шуткой, но за пределами Марны за попытку расплатиться монетой местной чеканки вполне можно схлопотать по морде.

– Господин экзорцист, – вновь взвыли за дверью, – не губите невинную душу!

– Невинную? – рассмеялся я. – Что-то с трудом верится!

– Меня не губите! Хозяин живьем шкуру спустит, если без вас вернусь...

– Ну, меня сохранность твоей шкуры волнует мало. – Я вновь развалился на кровати и недовольно поморщился: если этот олух так и будет торчать под дверью, выпасться сегодня не светит. – Проваливай!

– Но что я ему скажу? – Парень и не думал отправляться восвояси. – Запорет, как пить дать запорет. У нас же посто-

альцев, считай, завтра и не останется! И новые не пойдут! Вконец разоримся. Не берите грех на душу!

– Скажи, мол, господину экзорцисту вставать рано, выспаться хочет, – едва сдерживаясь от ругательств, ответил я.

– Так как же вы выпитесь, господин экзорцист, если я всю ночь под дверью вас умолять буду? – совершенно искренне удивился паренек.

– Проваливай! Добром прошу! – Размахнувшись, я метнул кинжал, и он с глухим стуком глубоко вошел в дверное полотно. – Выйду, кишки выпущу!

– Господин экзорцист, – минуту спустя тихонько поинтересовался прекрасно понявший природу стука посыльный, – вы ведь у нас проездом?

– Тебе какое дело? – Я нашарил второй кинжал.

– Если проездом, значит, в Сарин направляетесь, – предположил парень. – А у хозяина фургон есть. Помогите, и уже к утру в городе будете. Чего ночь терять? Клопов только кормить...

– Фургон? – заинтересовался я. Да и как не заинтересоваться? Мальца этого послать подальше ума много не надо. Вот сам корчмарь да еще с отцом девицы притащится – другое дело. Отвертеться уже не получится, придется идти бесноватую смотреть. Потому как отказавшийся провести ритуал изгнания экзорцист – еще большая редкость, чем добрый и отзывчивый мытарь. Сразу слухи пойдут. А слухи-то как раз и не нужны. – Тебя как зовут, искусситель?

– Грегором кличут, – с облегчением выдохнул парень.

– Так ты, выходит, стильгского короля тезка? – усмехнулся я, натягивая холодные штаны. – Постоялицу вашу я посмотрю, так и быть. Но если что-то серьезное, сам за изгнание не возьмусь. Ясно?

– Конечно!

– С хозяина – фургон и вина подогретого! – В комнате было сыро и промозгло, и немного согреться бы совсем не помешало. – А десять золотых... Знаешь, куда папаша может засунуть себе десять золотых?

– Догадываюсь, – радостно хихикнули за дверью.

– Умный мальчик. – Я ухватил ремень сумки, с трудом выдернул глубоко засевший в доске кинжал и спрятал его в ножны. Охлопал звякавший серебряными колокольчиками плащ и вышел из комнаты в коридор. – Веди.

Расплывшийся в улыбке паренек полутора десятков лет от роду – чернявый и щербатый – чуть ли не кубарем скатился по лестнице и, проведя меня через пустую обеденную залу, распахнул дверь на хозяйскую половину. Мысленно выругавшись, я потопал за ним.

Гадство! Гадство! Гадство!

Одно дело – роль экзорциста играть и совсем другое – вправду за изгнание беса взяться. Ничем хорошим ни для меня, ни для одержимой это не закончится. Оставался, конечно, вариант просто удавить некстати подвернувшуюся девицу, но он нравился мне еще меньше, чем слинять отсюда по-

тихому. По-тихому? Да нет, по-тихому не получится.

Одна надежда: у постоялицы просто с головой не все в порядке, бывает и такое. Бывает. Но редко. Слишком редко, чтобы тешить себя призрачной надеждой. Конечно, не надо быть экзорцистом, чтобы справиться с легкой формой бесноватости, – многие монахи и приходские священники поднаторели в этом ничуть не хуже Изгоняющих. Вот только и опыта у них за плечами соответственно... С моим не сравнить. Да и какой там опыт-то? Несколько книг из библиотеки ордена наскоро пролистал – и все!

Нет, самостоятельно проводить ритуал изгнания никак нельзя – пусть кожаное одеяние и обереги экзорциста дают неплохую защиту, но в случае неудачи и сам бесноватым стать могу. Не хотелось бы. Весьма. Получается, надо с умным видом постоялицу осмотреть и что-нибудь эдакое выдумать. Мол, тут нужен узкий специалист и...

– Господин экзорцист! Господин экзорцист! – с диким криком бросился ко мне корчмарь и хотел уже ухватить за рукав, но в последний момент одумался и отдернул руку от серебряных колокольчиков. Был хозяин приютившей меня корчмы растрепан и одет чуть ли не в исподнее. Еще и пьян. – Беда! Беда и разорение! Сделайте что-нибудь, а то по миру с семьей пойду!

– Замолчи, – раздраженно попросил я, и – о чудо! – хозяин тотчас перестал причитать. Ну да оно и неудивительно: весьма затруднительно продолжать визжать, когда твои ще-

ки стиснули затянутые в кожаную перчатку пальцы.

– Бу-бу-бу... – что-то нечленораздельно все же сумел вы-
давить из себя корчмарь.

– Не понял? – слегка ослабил я хватку.

– Молчу... – просипел хозяин и попытался высвободить-
ся, но безуспешно.

– Вот и молчи. – Я брезгливо оттолкнул его к стене. – Бес-
новатая где?

– Тут, тут она... – указал на одну из дверей корчмарь и,
вспомнив мое распоряжение держать язык за зубами, спал
с лица.

– Проваливай! – Я прошел в комнату и сразу почуял
неладное. Возникает иногда такое чувство: вроде все в по-
рядке, причин для волнения нет, а смертью повеет, и обхо-
дишь десятой дорогой не приглянувшееся место. А потом
узнаешь, что там парня с соседней улицы за драные сапоги
зарезали. Или стражники, злые с похмелья на весь мир, на-
смерть кого-то дубинками забили. Или... Да мало ли какие
напасти на городских улочках в далеко не самом респекта-
бельном районе повстречаться могут? Ненадежное это чув-
ство, многих под монастырь в самый ответственный момент
подвело, но уж если побежали по спине мурашки – не со-
мневайся, рви когти.

Вот только иногда приходится стискивать зубы и идти,
ожидая удара в спину. Идти, потому что другого выхода нет.
Оступись – затопчут, заживо с потрохами схарчат. А так

еще побарахтаешься, как та лягушка.

Впрочем, в небольшой, плохо освещенной комнатке набрасываться на меня никто не собирался. Наоборот – мне обрадовались. Я б тоже, пожалуй, обрадовался на их месте.

Молодая, очень худая девушка с ввалившимися щеками лежала на заправленной кровати, а усталая женщина средних лет прикладывала к ее лбу холодный компресс. Подтянутый моложавый мужчина в дорожном камзоле нервно ходил из угла в угол и теребил густые бакенбарды.

Нет, источником опасности были не люди. Точно – не люди. Будто в комнате находился кто-то еще. Нечто витало в воздухе и заставляло шевелиться волосы на затылке. Неужто и вправду – бесноватая?

– Господин экзорцист! – шагнул ко мне навстречу мужчина. – Марциус Ларь...

– Что с ней? – Я бросил сумку на пол и подошел к девушке. – И почему завязаны глаза?

– Марта одержима бесами, – набычившись, тем не менее переборол себя отец. А ведь точно отец: черты лица – один в один.

– А повязка? – Не дожидаясь ответа, я оттянул свернутую в жгут льняную тряпицу и заглянул в глаза девушке. Сиделка возмущенно засопела, но мне было не до нее – глаза бесноватой оказались абсолютно черны. Будто смолой залили.

– Убийца! – Ни с того ни с сего завопила постоялица, и я поспешил поскорее вернуть тряпицу на место. Ух, словно

спицу раскаленную в хребет забили! И не поперек, а вдоль. Те еще ощущения!

Девушка точно бесноватая. Классический случай – «глаза тьмы». Видит невеста что. Иногда, как сейчас например, может и правду прозреть. Вот только отделять случаи ясновидения от галлюцинаций затея безнадежная. Слишком все перемешано. С другой стороны, этот случай не из сложных. Для настоящего экзорциста, само собой, не для меня.

Невольно я задумался, смогу ли надлежащим образом провести ритуал изгнания, и едва не расхохотался. Неужели всерьез хочу рискнуть? А куда деваться? Отказаться, не вызвав подозрений, не получится. Кто знает, где и когда этот отказ аукнется? Второго прокола мне не простят. Не те ставки на кону, чтобы на случай уповать.

– На минуту, – указал я отцу бесноватой на выход и постарался успокоиться. Азарт азартом, да только не стоит оно того. Надо себя в руки взять, пока дров не наломал.

– Слушаю вас, господин экзорцист. – Марциус Ларь осторожно прикрыл за собой дверь и вытер с лица пот.

– Скройся с глаз моих! – распорядился я, и корчмаря будто ветром сдуло. – Давно ваша дочь в таком состоянии?

– Пятый день, – помрачнел Марциус.

– И какого беса раньше к экзорцисту не обратились? – не выдержал я. – Откуда вы вообще взяли на мою голову?

– Из Сарина, – ответил отец бесноватой, замолчал, тяжело вздохнул и продолжил: – В первый же день мы обратились

в монастырь Всех Святых, но настоятель помочь не смог. Постоянной миссии ордена Изгоняющих у нас в городе нет, и хоть один экзорцист должен был приехать еще на той декаде, но он до сих пор не объявился...

– Ну а сюда зачем рванули? – прекрасно зная, куда подевался тот самый экзорцист, раздраженно засопел я.

– Мне стало известно, что в город направляется брат-эксекUTOR.

– И вы решили удрать? – Как предпочитали бороться с бесами эксекУТОРЫ, ни для кого давно уже секретом не было.

– Да, но здесь Марте стало хуже.

– ЭксекУТОР вас в любом случае нагнал бы.

– В Сарине у него работы не на один день. Не до нас будет, – с печальной улыбкой покачал головой Марциус. – В последнее время бесноватыми становятся все чаще и чаще.

– Да ну? – удивился я. – И что, теперь всех на костер?

– Не всех. Кому-то помог настоятель, кто-то покончил с собой. Некоторые, как поговаривают, и вовсе пропадают.

– В Сарине отпускают бесноватых гулять по улице? – стараясь не думать о лежавшей в соседней комнате девушке, усмехнулся я.

– Вы нам поможете? – вместо ответа просительно глянул мне в глаза отец Марты.

– Хозяин! – во весь голос рявкнул я, несколько не сомневаясь, что корчмарь подслушивает за дверью. Так оно и оказалось. – Выкидывай из комнаты всю мебель, к бесам!

И пусть принесут тринадцать лампад.

— За-зачем это?... — заикаясь, заблеял хозяин.

— Бесов изгонять буду, — шагнул я к нему. Да, изгонять!
А что еще остается? Вот уж действительно — назвался груздем, полезай в кузов. — Ну? Чего встал? Бегом, живо!

— Десять шелегов — это все, что я могу заплатить. — Марциус достал кошель.

— Заплатите. — Я вернулся в комнату с девушкой и вытащил из брошенной на пол сумки пухлый том «Ритуалов изгнания младших бесов». Надо освежить память, пока время есть. — Хозяин, шевелись быстрее! Не управимся до полуночи, придется всех вместе с корчмой спалить!

Комнату освободили быстро. Даже кровать с комодом без особых причитаний выволокли. К этому времени я уже нашел соответствующую главу и сосредоточенно перебирал содержимое сумки в поиске нужных ингредиентов. Ага, вот и освященное лампадное масло...

Выудив из сумки холщовый мешок, в котором звякали какие-то железяки, я развязал тесьму и вывалил на пол четыре кованых кольца с приклепанными к ним штопорами. Измерив кожаным шнурком рост и длину рук одержимой, сделал необходимые разметки и начал ввинчивать кольца в потемневшие от времени доски пола. Так, еще ремни кожаные должны быть. Ага, вот и они.

— Вы собираетесь... — охнул стоявший у меня за спиной Марциус.

– Ну да, – хмыкнул я, жалея, что нельзя стянуть с себя кожаное одеяние и вытереть вспотевший лоб.

– Я должен при этом присутствовать!

– Валяйте, – махнул я рукой. – Только без меня.

– Но...

– Я не собираюсь потом еще и из вас бесов изгонять! Все ясно? – Закрепить кольца удалось без проблем, а тут и хозяин притащил заправленные маслом лампы. Проверив на прочность кожаные ремни, я велел уложить девушку на пол и опустился на колени. – Все, пошли прочь отсюда!

Дверь на засов, на окнах ставни. Пустую комнату освещает лишь оставленный корчмарем на подоконнике подсвечник. На полу симпатичная в общем-то девушка в одной ночной рубаше. Знал я немало людей, еще бы и приплативших, чтобы оказаться на моем месте. Дела!..

Перво-наперво я принялся перерисовывать на пол, стены, двери и оконную раму непонятные символы из соответствующей главы «Ритуалов...». Потом вытащил из сумки две размеченные мелкими-мелкими зарубками дубовые линейки, длинный шнур с завязанными через равные промежутки узелками и странный прибор, предназначенный для вычисления углов. Почесал затылок и принялся измерять стены и высоту потолка. Казалось бы, чего проще – зажги тринадцать лампад, уже светло станет, но нет, разместить их нужно таким хитрым способом, чтобы теней в комнате не осталось вовсе. *«Бесноватость как она есть», раздел «Младшие*

бесы», глава «Глаза тьмы».

И вот с этими расчетами пришлось повозиться. Тут я и поблагодарил учителей школы при столичном монастыре Всех Святых, нудными убеждениями и розгами сумевших-таки вбить в меня основы арифметики и прочих премудрых наук, от которых день-деньской пропадавшему на улицах парнишке вроде бы не предвиделось никакой пользы. Честно говоря, первое время от мудреных наук толку и в самом деле не было. Но когда пришлось работать на серьезных людей, тогда якобы позабытые знания игодились. Мои давешние на-иматели мало ценили голово-резов, карманников или навод-чиков, а вот на содержание специалистов более широкого профиля денег не жалели.

Неожиданно осознав, что все больше и больше погружаюсь в прошлое и постепенно теряю связь с окружающей действительностью, я выругался и постарался выкинуть посторонние мысли из головы.

И получаса с бесноватой не провел, а уже соображаю с трудом. А что же дальше будет?

Когда с расчетами было покончено – пять лампад стояли на полу, одна на подоконнике, остальные пришлось разве-шать по стенам с помощью обнаруженных в сумке нехитрых приспособлений, – я занялся пентаклем. Лучи пятиконеч-ной звезды, в наверху которых и стояли лампы, были неровными, и вписать их в круг оказалось делом нелегким. Честно говоря, круг больше смахивал очертаниями на пят-

но, оставшееся после выплеснутых на дорогу помоев.

Отложив в сторону порядком стершийся кусок известняка, я выдернул пробку из небольшого пузатого бутыля и заставил бесноватую сделать несколько глотков полынной настойки. Девушку едва не выгнуло дугой, она попыталась выплюнуть горькую жидкость, но не тут-то было – настойку ей пришлось выпить до последней капли.

– Где я? – откашлявшись, прошептала девушка. – И почему здесь темно?

– Что ты помнишь? – поинтересовался я и принялся разжигать лампы. Бесам полынь не по вкусу. Ладно, что там с теньями? Вроде везде светло, даже по углам не прячутся – потому и мебель заставил вынести.

– Зеркала... – ответила наконец долгое время молчавшая одержимая.

– И что в зеркалах?

Зубами вытащив пробку из флакона с маслом, я начал по три-четыре капли добавлять его в лампы. Масло, само собой, было непростое – несколько мгновений плясавшее на фитилях пламя трещало и стреляло длинными искрами, а потом наливалось таким сиянием, что делалось больно глазам. Если все рассчитал правильно – теньям в комнату дорога закрыта.

– В зеркалах коридор свечей, – на этот раз без заминки ответила бесноватая. – И человек. Он приближается. Он что-то говорит. Глаза! У него черные глаза! Совсем черные! Буд-

то в них сама Тьма! Нет!..

– Как интересно! – хмыкнул я и вытащил из сумки футляр с полированными серебряными дисками. Тоже вроде как зеркала. Только кривые. Теперь-то понятно, что с девушкой стряслось – захотела погадать дуреха на суженого-ряженого, поставила два зеркала друг напротив друга, пару свечей зажгла да и заглянула. А там... А что интересно там? – Ты знаешь этого человека?

– Это у Святых имен без счету, а бесам имя легион.

Лишенный жизни голос наждаком прошелся по нервам. Воздух в комнате будто сгустился, что-то мягко толкнуло меня в грудь, но проявившаяся было над девушкой тень оказалась слишком слаба и бесследно рассеялась в ярких лучах лампад.

– Буду знать.

Я сорвал с глаз бесноватой тряпку, и она завизжала от резанувшего глаза ослепительного света. Продолжавшая вопить девушка крепко зажмурилась, но, оттянув веки, мне удалось закапать настойку волчьих ягод сначала в один глаз, а потом и в другой. Уж не знаю, что еще было намерено в эликсир, но зажмуриться девушка так и не смогла. И черные глаза почти сразу стали самыми обычными – клубившаяся в них тьма рассеялась, будто оседающая на дно муть от взбаламученного ногами песка. Неестественно расширенный зрачок теперь растекся во весь глаз, бесноватая до крови закусила губу. Кожаные ремни натянулись, но за-

гнанные в пол крепления выдержали рывок, и дугой выгнувшая спину Марта попыталась зубами вцепиться мне в руку. Едва отдернуть успел.

Выругавшись, я вытащил из обитого бархатом футляра серебряные диски и мгновение помедлил, соображая, как именно их использовать. Потом поднес кривые зеркала к лицу одержимой так, чтобы отражаемый ими свет падал прямо в глаза, и от нового визга заложило уши.

Девушка попыталась отвернуть лицо и не смогла – закапанный эликсир уже подействовал, и мышцы шеи онемели. Если промедлить, то неизбежна будет остановка дыхания, но я надеялся, что успею дать противоядие. По крайней мере, до сих пор у меня все получалось.

В дверь забарабанили, почти сразу послышалась непонятная возня, и шум стих. Вот и ладненько – сейчас отвлекаться никак нельзя.

Затянувшую глаза тьму я заметил случайно. Только что еще ничего не было – и уже вновь зрачок чернотой налился. Чувствуя, как начинают дрожать руки и нагревается полированное серебро, я медленно и четко проговорил фразу, заученную наизусть. Не знаю, какой смысл вкладывали братья-экзорцисты в эту абракадабру, но даже без сложенных в нужную фигуру пальцев эффект от нее был. И еще какой!

Из глаз девушки хлынули кровавые слезы, тьма вырвалась на свободу, слилась в едва заметное марево и почти сразу же рассеялась под отражавшимся от серебряных пла-

стин светом лампад. Все верно – будь это обычные зеркала, скверна укрылась бы в отражении, затаилась в глубине, и горе посмотревшему в них бедолаге. С серебром такой фокус не проходит.

Что-то сдавило виски, стало трудно дышать, но я лишь мотнул головой, и звон серебряных колокольчиков мигом развеял наваждение. Вот и все, вот и все...

Влив в рот потерявшей сознание девушки противоядие, я наскоро собрал вещи и рассыпал по полу истолченную бирюзу. И хоть сквозняков в комнате быть не могло, пыль тут же разлетелась по углам комнаты. Ну да это теперь не моя забота. Пусть корчмарь сам уборкой занимается.

Развязать ремни, вывернуть из досок кольца и вынести будто бы ничего не весившую девушку из комнаты оказалось минутным делом. Захлопнув ногой дверь прямо перед носом снувшегося было туда корчмаря, я передал все так же находившуюся без сознания Марту изнервничавшемуся отцу, под глазом у которого наливался здоровенный синяк.

– Слушай, хозяин! Пока в комнату не суйся, к утру лампы прогорят, тогда и зайдешь. Лампады выбрось, пол пять раз вымой. И до полнолуния никого туда на постой не пускай. – Я обернулся к Марциусу: – Что у вас здесь стряслось?

– Да вот господин перенервничал, начал в дверь ломиться, пришлось успокоить, – смутился хозяин и протянул мне глиняную кружку, над которой курился пар. – Ваше вино, господин экзорцист.

– Благодарю, – совершенно искренне кивнул я. Вино оказалось красным, терпким и горячим. В самый раз. – Фургон запрягли?

– А до утра не подождете? Уже за полночь! – заюлил хозяин. – По такой-то погоде? А утром – в лучшем виде!

– Если останусь... – я заглянул в кружку и в два глотка допил ее содержимое. В голове зашумело, по телу растеклась приятная истома, – напьюсь. А напьюсь – могу здесь еще на пару дней задержаться. И всякие разговоры с постояльцами разговаривать начать. Оно тебе надо?

– Сейчас запрягут! – метнулся прочь сразу понявший, куда дует ветер, корчмарь. – Сам прослежу!

– Что насчет оплаты? – подошел я к занятому дочерью Марциусу.

– Клара, рассчитайся, – даже не обернувшись ко мне, распорядился тот.

Служанка выдала заранее заготовленные монетки; я не глядя ссыпал их в кошель и направился вслед за убежавшим хозяином.

Куда он умчался, кстати? Не мог слуг послать?

Поправил ремень сумки, вышел во двор и поежился от миготавшей головой прохлады. Свежо. И дождик каплет. Может, и в самом деле утра подождать? Нет, надо, раз уж такая оказия подвернулась, догнать экзекутора, будь он неладен. Догнать и поговорить по душам. Да...

Привычные мысли помогли отодвинуть на задний план

воспоминания о проведенном ритуале изгнания. Да и чего переживал? Ничего сложного, как оказалось.

Ничего сложного?

Ну нет! Меня сотрясла короткая дрожь. До сих пор поджилки трясутся. Надо при первой же возможности напиться. Напиться – но позже.

И куда же, бес его дери, запропастился корчмарь?

Хозяин обнаружился возле ворот. И что самое неприятное, занимался он вовсе не фургоном, а препирательством с двумя крепкого сложения парнями в насквозь промокших плащах.

– Ну вот, а ты говорил, ее здесь не было, – заметив меня, мрачно усмехнулся один из бугаев. – Врать нехорошо!

– Проваливайте отсюда! – ничуть не стушевался корчмарь. – А то собак спущу!

– По-хорошему просим, выдайте бесноватую! – Второй парень не обратил на угрозу хозяина никакого внимания. – А то как бы чего не вышло...

– Вы от брата-эзекутора, что ли? – Я даже несколько обрадовался такому повороту событий. – Опоздали, ребята, опоздали. Но вот к вам у меня есть один вопрос...

Парни просто растворились в темноте. Несколько мгновений я молча хлопал глазами, размышляя, не стоит ли попытаться их догнать, потом где-то неподалеку заржали кони, и стало ясно, что можно расслабиться. Не судьба.

– Выродки городские! – сплюнул на землю корчмарь

и протянул мне перехваченный за горлышко глиняный кувшин. – Это вам, господин экзорцист. На дорожку.

– Весьма кстати, – прислушиваясь к мерному шороху капель, кивнул я. – Весьма...

III

Прошлое – палка о двух концах. Оно может сделать сильнее, а может и сломать своей тяжестью. Некоторые воспоминания как запрятанные в глубине души жемчужины, другие тоже запрятаны, но за семью замками. И не всякий решится эти замки открыть. Да и надо ли?..

Уж не знаю, что было тому причиной – жуткая усталость, вино или нервное перенапряжение после ритуала, но всю ночь, пока трясся в фургоне по разбитой колесами дороге, меня беспрестанно донимали кошмары. Спал ли я? Должно быть. А может, все привиделось наяву, пока в одиночку допивал кувшин этого клятого вина.

Выпрыгнув из фургона, я хлопнул по плечу возницу и поплелся к воротам Сарина, у которых уже выстроилась небольшая очередь. Багряный шар солнца только вспух над горизонтом, и в его лучах ночные видения как-то незаметно поблекли и потеряли недавнюю остроту. Ну привиделись мертвецы, что с того? Да – друзья. Да – много их было. Но ведь все ж свои. Вот если чужие мерещиться начнут...

Дежурившие в воротах стражники расступились без еди-

ного слова. Даже смотреть в мою сторону лишний раз побоялись. Что ни говори, наряд экзорциста – идеальная маскировка. Вернее, почти идеальная: от случайностей вроде вчерашней никто не застрахован.

Потоптавшись неподалеку от городских ворот и не заметив, чтобы хоть кто-нибудь проявлял ко мне неуместное сейчас внимание, я нырнул на темную улочку и через пару минут вышел к широкому, мощенному брусчаткой бульвару.

Здесь было чисто, здесь былолюдно, здесь даже не сильно воняло помоями. Не то что в Роневе. А ведь это даже не коронный город. Не иначе местный барон – жуткий чистюля. Или у него умные люди из числа советников еще не все перевешаны. Есть у шибко умных людей такая манера – время от времени на виселице оказываться. Очень уж власть имущих угнетает, когда их кто-то учить жизни пытается.

Остановившись у чистильщика обуви, заросшего бородой, что твой леший, я швырнул ему мелкую монету и подставил под щетки сапог.

– Вчера с вечера в город прибыл брат-эзекутор в сопровождении двух слуг, – глядя в сторону, негромко проговорил я. – Найдите его и не выпускайте из виду.

– Сюда больше не приходи. Найдем – сообщим.

Дед подслеповато моргнул, еще пару раз прошелся по моим остроносым сапогам щеткой и больше не произнес ни слова. Просто здорово – значит, ничего чрезвычайного за время моего отсутствия в городе не приключилось.

Вот и замечательно! У меня и своих проблем хватает.

– В «Печеное яблоко» людей не посылай. Пусть на рынке у полуденных ворот либо меня, либо кого из парней ищут, – на всякий случай предупредил я связника и, развернувшись, зашагал прочь.

Все, теперь пора на постоянный двор идти. Экзорцисту шмотье его вернуть надо, да и парни мои, наверное, от безделья уже на стены лезут. Ничего, недолго им скучать осталось.

Задумавшись, я решил срезать путь через переулок и тотчас об этом пожалел – проход загородила смутно знакомая фигура.

– Ну что, допрыгался, экзорцист? – по-волчьи ухмыльнулся слуга экзекутора и выпростал из-под плаща руку с ножом.

Зря он так. Моя сумка еще только падала на землю, когда я одним стремительным прыжком оказался рядом и нанес два коротких удара шилом. Снизу вверх – под челюсть и тут же в сердце. С инструментом сапожников выхваченное мной оружие сходство имело весьма отдаленное – трехгранный клинок закаленной стали был чуть ли не в пол-локтя длиной, – а потому выронивший нож бугай замертво повалился на землю. Точнее – повалился бы. Ухватив его свободной рукой, я крутнулся на месте и с силой оттолкнул от себя уже безжизненное тело.

Предосторожность эта оказалась не лишней – набегавший со спины напарник бугая споткнулся о труп и растянулся

на земле. Короткий замах, и шило с неприятным хрустом почти на треть ушло в основание черепа. И этот отбегался.

Вытерев клинок об одежду убитого, я сунул его в неметный разрез на боку плаща, подхватил сумку и поспешил прочь. Шило, быть может, оружие и не самое удобное, зато крови после себя мало оставляет. Очень это в нашем деле ценится. А что до удобства – так умеючи и ложкой деревянной человека на тот свет отправить пара пустяков. И даже не пара...

На постоянный двор «Печеное яблоко», что у полуденных ворот, я пришел хоть и нескоро, зато в прекрасном расположении духа. Благо покружился по городу, хмарь ночного кошмара развеял. Заодно и от возможной слежки избежался. Время, конечно, потерял – не без этого, зато так спокойней.

Но на самом деле причина превосходного настроения крылась совсем в другом. Такой уж я человек – терпеть не могу убивать людей без веской на то причины. И по мере возможностей стараюсь этого не делать. Но экзекутор, сволочь этакая, сам виноват. Зарвался. Такого не грех проучить. Нет, на самом деле – грех, но куда деваться? Работа есть работа.

В общей зале постоянного двора посетителей оказалось немного. Раз-два – и обчелся. Да еще невесть по какой надобности забредшие сюда двое стражников играли в кости с парой подвыпивших бугаев. Стражники выпивки тоже

не чурались, и из того угла на всю общую залу то и дело разносились громкий смех и ругань. Хозяин замечаний делать не решался и терпеливо ждал, когда стражи порядка уберутся восвояси. Оно и правильно – если другим постояльцам не мешают, пусть гогочут, сколько влезет.

– С возвращением, господин экзорцист, – поприветствовал меня просветлевший лицом хозяин постоянного двора. Видать, караулившие настоящего экзорциста парни тоже благочестием не отличались. Устроили, выходит, ему веселую жизнь. Это – да, это они могут.

– Мои спутники у себя? – направляясь к лестнице, ведущей на второй этаж, поинтересовался я.

– Сегодня еще не выходили. Завтракать будете в комнате?

– Позже.

Неладное я почуял, когда постучал в дверь. Постучал – и она слегка шелохнулась. Забыли задвинуть засов? Не верю!..

По лестнице загромыхали чьи-то шаги, и я поспешил юркнуть в приоткрытую дверь. Не глядя задвинул засов, с кинжалом в руке метнулся во вторую комнату и остолбенел. Уж не знаю, кто наведалься сюда до меня, но живых после этого визита не осталось. Три удара ножом, три трупа. Никаких следов борьбы. И смерть наступила никак не раньше сегодняшней ночи.

Что за бесовщина! Не могли парни так подставиться! Да –

экзорцист не боец, да – Диего я плохо знал, но Леон-то волчара битый! Мы ж с ним всю Закатную кампанию! На Лемском поле выжили! А тут... Как он мог подпустить убийцу на расстояние удара? Как вообще мог впустить постороннего человека в комнату? Не мог, если только убийцы не пришли с кем-то, кого он знал. Например, с вечно околачивавшимися на постоялом дворе стражниками...

Все эти предположения крутились у меня в голове, когда я уже скидывал на пол кожаное одеяние экзорциста. Шляпа, маска, плащ, сапоги, штаны... Быстрее, быстрее! Поддетая под плащ жилетка и свободного покроя рубаха пришлись весьма кстати, темно-синие шаровары из моментально распотрошенной сумки дополнили картину, и я босиком метнулся обратно ко входной двери.

Прислушался – голоса. Не успел! Обыграли, сволочи! Сейчас вломятся и повяжут под белы ручки. Тройное убийство – это не шутки. Но кому понадобилось меня так подставлять? Кому? У экзекутора кишка тонка, значит, кто-то из конкурентов подсуетился. Подарок с полуночи? Очень может быть. У Норвейма или Ланса тоже профессионалов хватает. Но зачем им это? И если они в курсе операции, почему не перехватили заранее?

Глубоко вздохнув, я прогнал панику, отмерил от стены расстояние, чтобы хватило места укрыться за распахнутой дверью, приладил в щель между досками деревянный клин и схватил тяжеленную дубовую табуретку. Закутал ее в плащ

и со всего размаху швырнул в выходявшее на задний дворик постоянного двора окно.

Грохот, звон разлетевшегося вдребезги стекла; табурет вывалился на улицу, плащ зацепился за осколки и повис. Дверь с шумом распахнулась и едва не свернула мне нос, лишь в последний момент упершись в клин. Выломанный за-сов отлетел к противоположной стене, и в комнату ворвались сидевшие в общей зале бугаи. Двое. Следом – стражники.

На мое счастье, это оказались дилетанты. Оглянись они – и мне конец. Но нет, выбитая рама и зацепившийся за осколки стекла плащ сразу завладели их вниманием, и бугаи рванули к окну. Зря!

Будь на мне хоть какая-то обувь, дело запросто могло не выгореть. Но босиком я ступал совершенно бесшумно и оказался за спинами стражников раньше, чем кто-либо успел почуять неладное. Рукояти кинжалов ударили в бритые затылки, и представители доблестной городской стражи повалились на пол. С бугаями такой фокус уже не проходил, но с ними-то как раз церемониться было незачем. Один тут же осел, зажимая рассеченное горло, второму повезло больше: он умер, даже не успев понять, что произошло. Выпустив рукоять загнанного в глазницу кинжала, я отскочил от растекавшейся по полу лужи крови и выглянул в коридор. Никого.

Прикрыв дверь, я кинул на пол второй кинжал, наскоро осмотрел одежду на предмет случайных пятен крови и при-

нялся искать свою обувку. В крайнем случае, можно было обувью одного из мертвецов воспользоваться, но мне повезло – собственные, разношенные по ноге сапоги обнаружались под одной из кроватей. Жаль только, ничего из оружия брать нельзя. Хотя почему нельзя? Просторная рубаха прекрасно скрыла под собой чехол с шилом. Вот и здорово!

Ушел я через черный ход. Навстречу никто не попался, так что неуместного интереса со стороны городской стражи можно было не опасаться – те меднолобые, которые остались валяться на постоялом дворе, на меня даже взглянуть не успели. Все вроде здорово, но есть одно «но». И это самое «но» вполне может стать мостиком от умиротворенной безмятежности до петли палача на шее.

И верно: тот, кто вслепую использовал этих болванов, за просто способен выдумать новую пакость. Нет, расслабляться никак нельзя. Заявиться же к связному и притащить за собой хвост – вообще хуже не придумаешь. Даже если в итоге и удастся спасти собственную шкуру, Малькольм все одно с потрохами съест. И будет, как ни печально это признавать, в своем праве. Так что придется идти на оговоренное место – ждать у моря погоды.

Так вот и вышло, что я отправился на рынок у полуденных городских ворот. Оно и к лучшему, более подходящего места для человека в моем положении отыскать сложно. Народу вокруг – не протолкнуться: работы в поле уже закончились,

и крестьяне с окрестных деревень тащили на продажу в город всякую всячину. Приезжали сами, привозили жен, детей, дальних родственников, друзей и просто знакомых. Город посмотреть, себя показать. Где заработать, где украсть – все лучше, чем дома на лавке штаны просиживать. Осень.

Затеряться в толпе труда не составило. Подумаешь, еще один бездельник. Таких тут не счесть. И пока я бродил меж торговых рядов, проверяя, нет ли хвоста, даже вездесущие карманники не позарились на тощий кошель. Все правильно, на рынке и более денежных простофиль хватает. А связываться с молодым парнем ради нескольких медяков – себе дороже выйдет.

Круговерть людей, шум, гам, крики и музыка дававших неподалеку представление бродячих циркачей будто вернули в прошлую жизнь. Нет – не в прошлую.

В прошлой жизни я месил ботинками грязь и проливал кровь во славу великого и непобедимого Стильга. Закатная кампания. Пехота. Грязи было много, крови тоже хватало с избытком. Своей и чужой. Врагов и друзей. А на Лемском поле так и вовсе было не разобрать – то ли грязь красная, то ли в крови по щиколотку...

В позапрошлой жизни праздно шататься и глазеть на представления трюкачей да кукольников тоже времени особо не было. Если работаешь на одного из самых оборотистых скупщиков краденого в столице, будь уверен: выкладываться придется по полной. Выпадет свободный денек –

уже праздник, и десять раз подумаешь, стоит ли его так бездарно тратить.

А вот еще раньше...

Тряхнув головой, я заставил себя отвлечься от неуместных сейчас воспоминаний и заскочил в одну из закусовых погреться. Уселся за ближний к выходу стол, заказал печеной картошки и кружку горячего травяного настоя. Хватит уже меж торговых рядов круги нарезать, люди Малькольма меня и здесь без проблем отыщут. А пока есть время, стоит поразмыслить над ситуацией, в которой угораздило оказаться. Нехорошей ситуацией, прямо скажем – паршивенькой. Попахивает от нее чем-то эдаким...

Ведь что получается: никому, кроме подручных экзекутора, отправлять меня на тот свет в этом захудалом городишке резона нет. С теми двумя клоунами все ясно – не удалось заполучить бесноватую, решили поквитаться. Или, что более вероятно, сам брат-экзекутор велел от конкурента избавиться. Городок, как говорят, для него весьма перспективный, а тут путается под ногами непонятно кто.

Но вот резня на постоялом дворе – точно не его рук дело. Меня ведь не убить хотели, нет – зуб даю! Расчет был на «горяченьком» прихватить. Очень это попытку вербовки напоминает. Но почему именно меня, почему парней даже не пытались расспросить – сразу убили? Неужели где-то засветился? Или кто-то свою игру затеял? Надо Малькольма предупредить.

Расплатившись, я вышел на улицу и первым делом прикупил короткую накидку. А то в одной жилетке замерз как собака. Потом направился к рядам, где торговали всяким разнообразным инструментом. Топоры, пилы, рубанки, стамески, ножи... Шанс подыскать хоть что-то подходящее был невелик, но с одним шилом устраивать охоту на экзекутора было несколько опрометчиво. Надо бы разжиться чем-нибудь более универсальным. Нормального оружия здесь, конечно, не найти — да и не резон его с собой таскать, — но вот пару подходящих железяк приобрести не помешает.

— Интересное исполнение. — Я взвесил в руке небольшой топорик. Широкое лезвие, изогнутое топорище. Вроде ничего необычного, стражники на такого уродца даже не посмотрят. Вот только чует мое сердце: если метнуть его вон в тот, к примеру, столб... — Сам делал?

— Батя, — хмуро глянул на меня бандитского вида продавец. — У нас в деревне у всех такие.

— Как интересно! — Я подкинул в воздух крутнувшийся топор и вновь поймал его за топорище. — Сколько хочешь?

Парень назвал цену, я поморщился. За такие деньги пяток колунов купить не проблема. Но, чует мое сердце, ничего более подходящего среди выложенного на продажу барахла отыскать не удастся. Нет, конечно, можно найти людей, которые продадут что угодно: хоть арбалет, хоть меч — были бы деньги. Только куда они мне?

Связной подошел, когда я укладывал вещи в купленный по случаю мешок. Топор, пара плотницких ножей с такими лезвиями, что оружием их назвать не повернется язык у самого придирчивого стражника, стамеска, рубанок, напильник, шило сюда же. И пусть кто-нибудь только заикнется, что я не плотник. А что? По дворам хожу, кому чего надо починаю. Вот и инструмент при мне.

— Экзекутор час назад вошел в особняк у Соловьиного моста. Крайний у садов на левом берегу. Не ошибешься, — как бы между делом остановился рядом со мной лотошник в поношенном платье. — С ним двое слуг. Сколько людей в доме — неизвестно.

— Двое слуг?! — удивился я. — Это точно его слуги?

— Сегодня утром он прибыл с ними в город.

— Особняк чей?

Что за бесовщина? Если напавшие на меня в переулке не были слугами экзекутора, зачем им понадобилась бесноватая? И кто послал их по мою душу? Ничего не понимаю!

— Какого-то приезжего дворянчика с полуночи. То ли из Норвейма, то ли из Ланса, — зевнул, прикрывая рот рукавом, лотошник. — Местные его в свой круг не приняли.

— У особняка кто-нибудь остался?

— Тебя дождутся.

Я кинул ему на лоток пару медяков, сгреб несколько пряников и пошел к выходу с рынка. Надо торопиться, а то придется за экзекутором по всему городу гоняться. В том, что он

решил встретиться со своим земляком, ничего удивительного нет. И как знать, быть может, именно этот землячок и организовал мне теплую встречу. Да, это многое объясняет, многое...

Покинув рынок, я на всякий случай немного поплутал по соседним улочкам и вышел к Ольхе – небольшой речушке, которая ближе к центру города текла меж замощенных каменными блоками набережных, но дальше, за Соловьиным мостом, раздавалась вширь. Более пологий левый берег каждую весну подтапливало, и потому он сплошь зарос камышом. Засыпать это безобразие у городских властей никак не доходили руки, и выстроенные здесь особняки выходили задворками на самое настоящее болото.

Место не то чтобы непрестижное – так, серединка на половинку. И Стража своим вниманием не обделяет, и не последние люди живут, но вот Болото – и все. Теперь хоть золотом улицы вымости да дома из серебра отгрохай – один бес, Болотом район и останется. Человек с амбициями здесь никогда не поселится. А этот, вишь, сразу особняк выкупил! Станный.

Проходя мимо нужного особняка, я выругался и, не останавливаясь, поплелся дальше. Бесов праздник! Ну и район! Да тут любой наблюдатель как на ладони будет. И наверняка все друг друга знают – новая физиономия сразу в глаза бросается. Ну и как мне эскутора дожидаться? Не ломиться же внаглую?

Дойдя до перекрестка, я свернул в выходявший к реке проулок. Прямо за высоким забором крайнего дома оказалась помойка — не иначе ее только половодье и смывает, — дальше к воде уходили сколоченные из подгнивших и потемневших от влаги досок мостки.

Солнце скрылось за темными облаками, начал накрапывать легкий дождик, и, закинув мешок на плечо, я сошел на узенькую тропинку, петлявшую в камышах вдоль заболоченного берега реки. Под ногами захлюпала вода, то и дело приходилось выискивать места посуше. Но уж лучше так, чем у всех на виду маячить. Разумеется, в это самое время экзекутор вполне может отправиться по своим делам, но...

Неожиданно я насторожился и замер на месте с поднятой ногой. Сначала даже не сообразил, что именно заставило зашевелиться на затылке волосы, потом заметил, как рядом с заполненным водой отпечатком квадратного каблука по стеблю осоки лениво стекает красная капля. Кровь?

Вот так дела!

Я развязал мешок, спрятал под рубаху шило и с топором в руке медленно и осторожно направился дальше. Не исключено, конечно, что тут местные жулики отношения выясняли — район, как ни крути, для поножовщины весьма подходит, — да только как-то в такие совпадения не верится. Аккурат ведь от нужного особняка раненый бежал. И не один он был: еще трое или четверо следом шли. Именно шли. Вот тут, например, сразу видно: бежали люди. Каблуки по-

что не отпечатались, только узкие отметины носков водой наполнены. Здесь же, напротив, на всю подошву ступали. Выходит, спокойно топали, не спешили особо. А несколько раз капли крови именно такими следами затоптаны. Тоже странно. Получается, преследователи никуда не торопились?

Следы вильнули в сторону, я сошел с тропинки и почти сразу увидел торчавшие из камыша сапоги. Осторожно подошел ближе, присел у трупa. Ну и что тут у нас приключилось? Ага, зарезали парнишку. На правом боку желтый камзол от крови почернел; еще и горло ножом перехвачено. Но это так – добивали. Сначала в бок ткнули, вот и кровил на бегу.

Высматривая сломанные и примятые тяжелыми ботинками стебли камыша, я выбрался на следующую тропинку и замер: впереди, на небольшой проплешине, валялось сразу три трупa. А кровищи, кровищи-то кругом!..

С топором в руке прошелся по самому краю прогалины и усмехнулся, сообразив, почему не спешили преследователи. Эти хитрецы просто загоняли дичь навстречу поделеньникам. Вот только дичь оказалась с норовом: одному преследователю ткнули кинжалом меж ребер, второму распорол обломившимся клинком глотку. А в том, что эти двое мертвецов не из беглецов, сомневаться не приходилось – угодивший в засаду слуга экзекутора тут же лежит. И, понятное дело, он вовсе не просто отдохнуть прилег, а с ножом в спине валяется.

Ладно, с мертвыми разобрались, куда живые делись? Не иначе, еще кто-то убежал. И у меня уже не оставалось никаких сомнений в том, что удрал именно экзекутор.

Неужели встреча с земляком не задалась?

Я попытался припомнить, во что были обуты пожелавшие взять сегодня утром меня в оборот громилы, но лишь досадливо прищелкнул языком: не обратил внимания, болван! А стоило бы, стоило...

Следующий труп удалось учуять шагов за двадцать. Неудивительно – от него бесовски несло горелой плотью, а распластавшееся на тропе тело и вовсе выглядело, будто его на четверть часа сунули головой в костер. Вот только поблизости не было никаких следов кострища. Не было. А мертвец с обгоревшим до костей черепом был.

И не стоило тешить себя иллюзией, будто сгоревший заживо человек и есть экзекутор. Нет – и сложение не то, и ботинки опять-таки ровно такие же, как у загонщиков.

Нестерпимо захотелось немедленно убраться отсюда под добру-поздорову, но я взял себя в руки и поспешил дальше. Какая бы бесовщина тут ни творилась, дело необходимо довести до конца. Иначе гнить мне остаток жизни в каком-нибудь приграничном гарнизоне. И это в лучшем случае – Малькольм не из тех, кто прощает слабость.

Следующий труп попался, когда я уже начал опасаться, что направился не в ту сторону. Но нет – вот он лежит, голубчик. Именно, что лежит – тело отдельно, голова отдель-

но. И крови столько, сколько не из всякого хряка выльется.

Выбрав относительно чистое место, я подступил к мертвецу, наклонился и присвистнул от удивления: даже не знаю, что могло столь гладкий разрез оставить. Топор палача и то иной раз хуже с делом справляется. А тут с разворота, да еще на бегу! Чем это он его так, интересно? Ну, силен брат-эзекутор! Ну, силен!..

Впрочем, и на него управа сыскалась, не убежал от судьбы, шустрик.

На очередной прогалине его и нагнали. Тот, который загонял, теперь лицом вниз в неглубокой луже с бурой от крови водой валялся. Тот, который выскочил из засады и пырнул кинжалом, хотел уползти в камыши, да так и остался валяться, по пояс скрывшись среди желтых стеблей. Сам Ян Верг привалился к невысокой кочке и пытался выкашлять пробитое легкое.

Сразу видно – не жилец.

Наскоро осмотрев следы – судя по всему, живым с поляны не ушел никто, – я остановился рядом с валявшимся в камышах бугаем, потянулся перевернуть его на спину и тут же отдернул руку. Потом медленно, очень медленно отступил назад и, стараясь не выпускать из поля зрения эзекутора, подошел ко второму мертвецу. С этим дела обстояли ничуть не лучше: прорванная на спине кожаная куртка не скрывала кровавого месива, щедро сдобренного белым крошевом ребер. Но это еще куда ни шло, а вот пырнувший эзекуто-

ра кинжалом парень не уполз в камыши, его туда забросили. Да так лихо, что сухие обломки стеблей проткнули тело насквозь.

– Брат-экзорцист? – вдруг, перестав кашлять, отчетливо произнес экзекутор. – Не ожидал...

Взвесив в руке топорик, я молча уставился на смертельно раненного человека.

– Глаза, – понял причину моего замешательства тот и скривился в ухмылке. На губах у него запузырилась кровь, и Верга вновь скрутил приступ надсадного кашля. – Глаза – зеркало души. А нам ли не знать о душе все?

– Что здесь произошло? – Я встал так, чтобы видеть уходящую к особняку тропинку.

– Разве непонятно? Попытался откусить слишком большой кусок пирога...

– Это понятно. – Я едва сдержался, чтобы не выругаться. – Это понятно. Но что случилось с плохими парнями? Один лишился головы, второй сгорел заживо. Третий...

– Ой, да перестань ты! – хихикнул и тут же дернулся от боли экзекутор. – Нельзя же быть таким наивным. Хотя в ваш орден, похоже, сообразительным вход заказан...

– Как ты их убил? – уточнил свой вопрос я.

– Ты еще не понял? Это магия. Чары. Колдовство. Проявление скверны. Явление силы. Называй как хочешь – суть от этого не изменится.

– Очень смешно. – Издевается он надо мной или бредит?

В любом случае надо делать дело и уходить. А тайны ордена Пламенной Длани... Да кому они нужны?

– Подожди, экзорцист, – будто почувствовав смену моего настроения, заторопился экзекутор, – я серьезно. Вы – варвары, вы кичитесь тем, что изгоняете бесов, и никак не можете понять: никаких бесов не существует. Есть только изначальная сила, по какому-то недоразумению достающаяся тем, кто меньше всего этого достоин. А вы, вы... презрительно именуете ее скверной и развеиваете по ветру! И никому даже в голову не пришло оставить частичку себе! Частичку силы. Частичку власти...

– А вы, выходит, оставляете? – невольно заинтересовался я. На бред откровения собеседника походили мало. На вранье тоже. Да и зачем ему? – Непонятно только, чего ради такая тяга к кострам? Доили бы бесноватых потихоньку...

– Ты не понимаешь... – вновь зашелся в приступе кашля раненый. Было видно, что держался он на одной лишь воле. На что только надеется? Никак не может наговориться перед смертью? Вряд ли. – Вы так ничего и не поняли! Сила дается лишь избранным. Для всех остальных – это яд. Но если выпить душу бесноватого, вместе с ней придет и частичка таланта. Немного, зато навсегда...

– А чтобы выпить душу, человека надо прикончить? – Я присел на корточки рядом с экзекутором. – И чем медленнее, тем больше таланта достанется?

– Помоги мне и сможешь стать одним из нас. – Экзекутор сплюнул кровь. – Помоги, экзорцист...

Величайшая слабость человека – оставить последнее слово за собой. Многих сгубило неумение вовремя остановиться. А уж скольким оно испортило жизнь, поломало карьеру, вконец расшатало нервы!..

Я промолчал. Не стал говорить, что я не экзорцист. Переборол желание увидеть, как расширятся от удивления глаза экзекутора, услышать судорожный вздох. Просто молча прикрыл левой рукой ему глаза и одним движением вогнал в сердце трехгранное острие шила.

Покойся с миром. Или как там у вас принято?..

Оттолкнув мертвое тело в сторону, я вытащил из-под него заляпанную болотной жижей сумку и насторожился: рядом кто-то был.

Резко, разворачиваясь на месте, вскочил на ноги – никого. Толчок в спину, вспышка перед глазами, провал...

IV

Когда очнулся, два бугая, ухватив под мышки, довольно бесцеремонно спускали меня по выщербленным ступенькам в какой-то подвал.

Как подловили только? На болоте ведь никого рядом не было – успел оглядеться. И если били в затылок, почему сейчас ничего не болит? Во рту привкус крови, по шее что-то

липкое стекает... Носом и ушами кровь пошла? Непонятно.

Лестница кончилась, носки сапог заскребли по каменному полу. Кое-как разлепив веки, я попытался понять, где нахожусь, но особо в этом занятии не преуспел. Ясно, что в какой-то каменный мешок притащили, но вот что это за подвал и сколько поблизости людей?

И что делать? Ждать, пока куда-нибудь приволокут, или попытаться сделать ноги прямо сейчас? Ведь если разобратся, когда запрут в каземат, особо не подергаешься.

Резко подтянув ноги, я рванулся вверх и назад. Ага, не ожидали!

С правым конвоиром и вовсе все прошло без сучка без задоринки: сначала каблуком в колено подбил ногу, потом тычком в горло раздробил гортань. Левый резко отпрянул, обнажил тесак, но и только. Перехватив его запястье, я вывернул занесенную для удара руку, вынул из разжавшейся ладони нож и перерезал громиле горло. Не теряя времени, развернулся – так и есть: сзади уже подбегал третий.

Лови!

Нож полетел в невысокого полноватого мужчину средних лет, но будто натолкнулся на невидимое препятствие и срикошетил в стену.

– Надо же, господин экзорцист, вы полны сюрпризов! – добродушно улыбнулся мужчина. Ничем не примечательная внешность, слегка обрюзгшее лицо, теплая домашняя куртка. Человек и человек. Если не заглянуть в глаза. А вот в гла-

за-то ему смотреть и не хотелось. Как там экзекутор обмолвился: «глаза – зеркало души»? Страшно даже представить, что у этого господина за душой. И человек ли он вообще? Если уж в зрачках отблески преисподней мелькают... – Несказанно рад, что мне все же удалось с вами встретиться!

– Не могу сказать, что это взаимно, – буркнул я, контролируя движения собеседника и старательно не глядя при этом ему в глаза. Коридор узенький – не разойтись. Выход в той стороне. Расклад простой, но приближаться к странному типу не хотелось. – Кто вы такой?

– Ну, право слово, вы начинаете меня разочаровывать, – развел руками мужчина. – Скоропостижно покинувшему нас экзекутору это еще было простительно – их орден отрицает наше существование, но вы-то не так зашорены...

Не знаю, что меня насторожило: незаконченность фразы, неприметное движение рукой, или просто сработало не раз выручавшее чутье. Пригибаясь, я отшатнулся в сторону, и тут же что-то прогудело рядом с левым ухом. Меня качнуло, каменная кладка за спиной брызнула осколками. Что за бесовщина?

– Впрочем, кое в чем вы тоже перегибаете палку, – как ни в чем не бывало вновь заулыбался мужчина. – Догма о младших бесах, к примеру, полный вздор. Даже теория «скверны» не столь оторвана от жизни...

Воздух сгустился, запахло грозой. Фигура человека начала расплываться в черное пятно, тень от закрепленного

на стене факела вдруг окутала ее будто дорожный плащ. Перед глазами у меня поплыло, волосы на затылке зашевелились, а ноги начали неметь. Глаза! Все дело в его глазах! А ведь мне уже доводилось видеть нечто подобное! Рыбацкая деревушка, привезенная из Сарина бесноватая... Так и есть!

– И если уж начистоту, мне скорее по душе позиция экзекуторов. Какая-то она более честная, не находите? – Слова лились из бесноватого непрерывным потоком, и эта монотонность вкупе с проникновенными интонациями завораживала и пеленала по рукам и ногам. – Альтруизм, если понимаете, о чем я, неестественен для разумного существа. Лицемерен. Мешает развитию личности и общества в целом...

Отдавая себе отчет, что еще немного, и вкрадчивый голос окончательно подавит мою волю, я постарался припомнить фразу, которой завершил ритуал изгнания в рыбацкой деревушке.

Гадство, не помню!

Но если поднапрячься, собрать волю в кулак... Да! Есть!

Еще бы знать – выгорит или нет? Без подготовки, наобум?! Но ведь других вариантов нет и не предвидится...

Негнущиеся пальцы с трудом сложились в отгоняющую зло фигуру, и, набрав в легкие побольше воздуха, я на одном дыхании протараторил бессмысленную фразу. Но бессмысленную – только для меня.

Бесноватого же враз согнуло в три погибели, он едва

не переломился напополам, из-под зажавших лицо ладоней хлынула кровь. Мужчина бухнулся на колени, уткнулся лбом в пол, потом выпрямился и медленно отнял руки от окровавленных провалов пустых глазниц. А в следующий миг в меня словно врезался таран.

Воздух с сипом вырвался из легких, неведомая сила оторвала от пола и со всего маха хлопнула о стену подвала. Удар на миг отправил в нокаут, но тут я отлип от стены и во весь рост бухнулся на пол. В кровь разбитый о каменные плиты нос привел в чувство, и, стиснув зубы, я кое-как поднялся на ноги и оперся о стену. Потом собрался с силами и шагнул к слепо бредущему по коридору бесноватому.

Лишившийся глаз хозяин дома встрепнулся, начал поворачиваться в мою сторону, но, захрипев, медленно осел на пол. Я выдернул воткнутое в бок бесноватому шило и ухватил мужчину за волосы. Запрокинул ему голову, примерился и одним резким движением вогнал окровавленное острие под челюсть. Теперь уж точно наверняка. К бесам все эти фокусы экзорцистов – старое доброе холодное железо еще никогда не подводило. Ни-ког-да!

– А вот это напрасно, – прошептал чужой голос у меня в голове. – Весьма распространенное, кстати, заблуждение...

– Что?! – опешил я, ошарашенно оглядываясь по сторонам. Кто это? Бесноватый ведь мертв! Уж в этом-то сомнений никаких быть не могло.

– Не надо так кричать, – усмехнулся невидимый собесед-

ник. – Теперь мы настолько близки, что слышим даже мысли друг друга.

Меня повело, ноги вдруг совершенно самостоятельно зашагали к выходу, и, чтобы остановиться, пришлось приложить немалые усилия. До крови закусив губу, я выжидал, пока развеется наваждение, но чужая воля никак не желала отступать. Наоборот, давление в голове становилось все невыносимей, ноги дрожали, а рубаха промокла от выступившего на спине холодного пота.

– Ну что ты, не надо сопротивляться, – участливо прошептали мне на ухо. – Не надо. Расслабься. Все равно надолго тебя не хватит, так к чему терпеть эти муки?

– Пошел ты! – хрипло выдохнул я.

Зря. Ребра будто стянул железный обруч, и вздохнуть не получилось. В глазах потемнело, ноги стали ватными, и, чтобы не упасть, я медленно сполз по стене на пол.

– Достаточно?

На этот раз я ничего не ответил – все силы были направлены на попытку вдохнуть ставший вдруг таким недоступным воздух. Тщетно – в голове звенело, перед глазами плавали какие-то серые крапинки, а ребра ломило от боли. Но я снова и снова пытался вновь начать дышать. Пытался и победил.

– Ну и чего ты этим добился? – с немалой долей ехидства поинтересовался голос в голове. – Каково тебе будет дышать так всегда?

– Кто ты? – Чужая воля попыталась взять под контроль ру-

ки, но мне удалось без особых проблем выиграть эту схватку. Только, как ни крути, голос прав: так жить нельзя. Нельзя постоянно быть настороже. Рано или поздно я просто сойду с ума, и тогда уже никто не помешает захватчику полностью завладеть моим телом. А значит, надо договариваться. – Что ты за тварь?

– Умный мальчик, – уловил обрывок моей мысли невидимый собеседник. – Можешь звать меня бесом.

– Так я теперь одержим? – Я попытался отдышаться, старательно не думая о том, что бес уловил только обрывок моей мысли. Надо договариваться и искать выход. Искать выход. Искать выход...

– А ты удивлен?

– Уже нет, – признался я.

Бес исподтишка пробовал вновь завладеть телом, но пока ему это не удавалось. Все верно, тело – это единственное, что у меня есть. А если бы я вот так запросто позволял отбирать свое имущество, то до сегодняшнего дня просто не дожил бы. Нет, на улице закон простой: если твое, вцепись зубами и не отдавай. Иначе схарчат. На уступки идти, конечно, тоже приходилось, как без этого, но – с умом. С умом.

– А вот экзекутор удивился. – Призрачный смешок ворохом колючих иголок прошелся по затылку. – Никак не мог поверить, что бесы и в самом деле существуют. Слишком привык сосать силу из полоумных бедолаг. А как встретил что-то выходящее за рамки своего понимания – пустился на-

утек. Да так лихо, что еле догнали. Ты вот, экзорцист, покрепче оказался.

– Давай разойдемся по-хорошему? – предложил я, прекрасно понимая, что бес просто заговаривает мне зубы. Что-то он замышляет. – Перепрыгнешь в другого человека, тебе ведь не впервой?

– Странно слышать такое от экзорциста. Но ты прав: перейти в другого человека не проблема, вот только...

– Вот только что? – заторопился я. Времени оставалось все меньше. Скоро эта тварь поймет, что я никакой не экзорцист, перестанет осторожничать и тогда...

– Это слишком утомительно, – не без колебания признал бес. – За последнее время я выпил силу многих людишек и только поэтому справился с экзекутором. А тут ты. Нет, мне нужно это тело.

– Мне тоже.

– Ну, как знаешь...

Безнадега навалилась вдруг. И без того мрачное настроение в мгновение ока окрасилось могильной тоской. Мир исчез, и теперь вокруг была лишь беспредельная пустота. Целое царство тоски, пустоты и безвременья. Место, где никогда ничего не происходило и никогда ничего происходить не будет.

– Теперь ты понимаешь, каково быть бесплотным духом? – прошептал бес. – А это только начало. Дверь едва приоткрылась. Хочешь остаться там навсегда?

– Как-то мне довелось побывать в карцере, там было ничуть не лучше, – нашел в себе силы ответить я. Перед глазами все плыло, стены меняли свои очертания, и никак не удавалось понять, в каком из миров сейчас находится мое сознание. – Не пугай меня тоской и пустотой, бес. В нашем мире есть куда более неприятные вещи.

– Боль, страх, унижение, смерть друзей? – равнодушно перечислил нечистый. – Для высшего существа это просто ничего не значащие слова!

– Но сейчас-то ты залез в тело не столь возвышенного создания, – зло ухмыльнулся я. – И пусть тебе смешны человеческие чувства, но попробуй за раз пережить то, что оставляло шрамы на моей шкуре последнюю дюжину лет! Да, события – шлак, но эмоции, чувства... И даже не пытайся спрятаться от них в своей пресловутой пустоте. Не забывай: теперь ты в моем теле, бес!..

Бес промолчал. Начал ли он понимать, что выбрал не ту жертву?

Очень на это надеюсь. Очень. Ведь ничего другого больше не остается...

Глава 2

Граф. Будни дворцовой охраны

Месяц Святого Огюста Зодчего

Рауль Доминик Мор, граф Луринга, вот уже третью декаду кряду пребывал в сквернейшем расположении духа. Точнее сказать, граф хандрил. И это было весьма непривычное для него ощущение – раньше даже неудачи на любовном фронте не могли выбить юношу из колеи. Напротив, такого рода неурядицы забывались им уже на следующий день: третий сын герцога Мора пользовался неизменным успехом у женщин. Да что там неудачный флирт! Обычно угрозы прознавшего об очередной дуэли отца лишить непутевого отпрыска наследства и те не могли всерьез пронять молодого повесу. Но вот сейчас... сейчас граф ощущал себя посаженным на цепь дворовым псом.

Весь абсурд ситуации заключался в том, что Рауль уже и не помнил, какая именно его выходка заставила герцога всерьез взяться за наставление младшего сына на путь истинный. Но и тогда все представлялось графу в розовом свете: хорошая должность в дворцовой охране, непременные балы, веселые пирушки с сослуживцами, ни к чему не обязывающие интрижки с придворными красавицами...

А на деле что?

Напиться за те самые три декады удалось только раз,

да и то с горя и в одиночку. На балы и прочие гулянки элементарно не оставалось времени, а столичные вертихвостки вовсе не спешили падать в объятия какого-то старшего охранника.

Да, герцог Мор сыграл с «любимым» сыночком злую шутку, устроив его в дворцовую охранку не заместителем начальника, как обещал, а чуть ли не обычным стражником. Пусть не навсегда, пусть только на первые полгода, но Рауль такая несправедливость доводила до белого каления. Самое большее, что ему светило в ближайшее время, – это должность начальника караула в какой-нибудь второстепенной загородной резиденции, имевшей лишь чисто номинальное отношение ко дворцу.

Рауль представил, сколько еще мучений ему предстоит вынести, и едва сдержал горестный вздох. Но – сдержал. Пускать к себе в душу сослуживцев граф не собирался. Да и с чего он вообще решил, что благородные господа, люди его круга, снизойдут до столь презренного занятия? Чем охранник – даром, что дворцовый, – лучше того же шпиика или дознавателя? Это же не лейб-гвардия и не личная стража его величества. На рядовые должности рекрутеры и вовсе людей чуть ли не с улицы набирали. Не совсем с улицы, конечно, но, помимо решивших от безденежья устроиться на государственную службу дворян, хватало и отслуживших в армии простолюдинов.

Та еще публика. Рауль внимательно оглядел подчинен-

ных, не нашел, к чему придаться, и отошел от вытянувшихся по струнке парней к окну, несмотря на плохую погоду, распахнутому настежь. Сегодня его людям поручили караулить холл, единственными достопримечательностями которого были запертые двери какого-то зала, аляповатого вида керамическая ваза да неплохой вид на осенний парк. Очень, очень важное задание.

Но граф уже не роптал. Не пытался доказать всем и каждому, что способен на большее. Не хмурился и не орал на и без того побаивавшихся нового командира подчиненных. Нет, он молча смотрел в окно и прикидывал, в котором часу доберется от этого выстроенного на окраине особняка до съемной квартиры на другом конце столицы. По всему выходило, дома он опять появится только за полночь. А значит, в очередной раз не выспавшись, встанет на рассвете и отправится во дворец. Как обычно, получит дурацкое задание и будет весь день любоваться физиономиями подчиненных, один только вид которых уже нагонял на него смертную тоску.

Рауль еще успел порадоваться отсутствию на охраняемой территории празднующейся публики, когда в коридоре послышался стук каблучков. Сделав на него стойку ничуть не хуже охотничьей собаки, граф оправил шейный платок, пригладил усы и шикнул на тихонько болтавших о чем-то охранников. Те моментально прекратили трепаться и разошлись в разные стороны. Стражники вообще выполняли

приказы нового командира незамедлительно: сразу после назначения граф Лурина не поленился вызубрить устав караульной службы чуть ли не наизусть, чем при необходимости и пользовался.

Улыбнувшись при виде появившейся в дверях невысокой брюнетки, Рауль галантно поклонился, но та не обратила на графа никакого внимания, будто его и не было. Начальник караула проводил стройную фигурку девушки задумчивым взглядом и тяжело вздохнул, мысленно проклиная свой нелепый наряд. Мышиной расцветки сюртук превращал его для молодых симпатичных барышень буквально в невидимку.

– Можно подумать, можно подумать... – тихонько пробурчал вслед красотке граф.

– Не обращайтесь внимания, ваша милость, – усмехнулся Грег Спарк, начисто лишенный не только чувства такта, но и просто хороших манер. Высокий и широкоплечий здоровяк оттрубил пять лет в гвардейском пехотном полку, где его и заметил рекрутер дворцовой охраны.

– Это же Миранда Лугиш, – поддакнул Вальтер Барк, походивший на приятеля, будто брат-близнец.

– И? – нахмурился Рауль.

– Она с бароном Шине обручена, – объяснил Рик Заре, третий и последний подчиненный графа, на фоне армейских дуболомов выглядевший невысоким хлюпиком. Но так уж обычно получалось, что именно к его словам Рауль прислу-

шивался чаще всего. – Вздорный тип.

– А как он фехтует?

– Не стоит, – покачал головой Рик и поправил ножны с церемониальной саблей на боку. – При дворе с дуэлями строго. Наших за такое дело сразу в Пахарту ссылают.

– Пахарта – это далеко, – припомнил граф расположение экзотической страны на картах из библиотеки отца. – И что там делать? Мартышек от посольства отгонять?

– Помогать одним князькам против других воевать, – потер рябую щеку Вальтер, который именно в Пахарте и подцепил оспу. – Дрянное место. Не советую.

В этот момент в холл заскочил запыхавшийся слуга, несколько раз дернул запертую дверь и, безошибочно определив начальника караула в высоком светловолосом господине, поспешил к Раулю Луринге:

– Ваша милость, ключ от зала заседаний у вас?

– С какой стати? – уставился на него граф.

– Извините, – обреченно вздохнул слуга и опрометью бросился прочь.

– У вас же есть дубликаты, ваша милость, – напомнил командир Вальтер.

– И что с того? – ухмыльнулся граф и отвернулся к окну. – Согласно разделу устава «Доступ в служебные помещения», дубликаты ключей используются исключительно в случае экстренной необходимости или по прямому указанию старшего смены. Все ясно?

– Так точно, ваша милость, – кивнул Вальтер Барк, поспешно отошел от графа и присел на краешек одного из стоявших в холле кресел.

На это нарушение пресловутого устава командир внимания не обратил, и успокоившийся охранник принялся рассматривать сложную вязь узоров стоявшей на низеньком столике керамической вазы.

– А Миранда, она здесь по какой надобности?

Симпатичная девушка никак не шла у Рауля из головы. Чем-то она напомнила ему Валерию Фальге, дуэль с супругом которой вполне могла стать той последней каплей, что переполнила чашу терпения отца. И пусть баронет горючил совершенно напрасно, Миранда приглянулась графу с первого взгляда.

– Она компаньонка графини Кортэ, – пояснил командиру Рик Заре. – Говорят, ее сиятельство какое-то собрание здесь на днях организует.

– Ясно. – Рауль поправил пряжку широкого ремня и обернулся к Вальтеру: – Барк!

Охранник моментально вскочил на ноги, а в следующий миг в холл прошли трое важного вида господ. Толкнули запертые двери зала и растерянно переглянулись.

– Герцог определенно говорил, что заседание назначено на полдень, – откинув крышку карманных часов, заявил один из них. – А уже без пяти минут и никого нет...

– Быть может, что-то изменилось? – задумчиво глянул

на Рауля какой-то очень уж неприметный мужчина средних лет. – Скажите, милейший, вас ни о чем таком не извещали?

– Никак нет, господин Ланье, – по-военному четко ответил главе королевской надзорной коллегии Рауль Лурина. Графа Ильме, который одно время частенько наведывался по делам к отцу, он тоже узнал, а вот прилизанного живчика ему видеть раньше не доводилось.

– Нас бы предупредили, – уселся в кресло не так давно получивший маршалский жезл граф Ильме. – И, кстати, барон, по какому поводу заседание? Что на повестке дня?

– Как обычно: Ланс, Норвейм и Драгарн, – улыбнулся щеголь и, захлопнув крышку, убрал часы в жилетный кармашек.

– Как оригинально! – не оценил шутки маршал.

– Ланс с Норвеймом опять готовятся вцепиться друг другу в глотки, это понятно. А что Драгарн? – заинтересовался Ланье.

– Закладывает новые корабли. – В холл прошел невысокий, плотного сложения господин, чем-то неуловимо походивший на развалившегося в кресле маршала. – Да и с Лансом не все так просто. Знаете, кого Эдвард Второй назначил первым министром?

– Герцога Риза, – выказал свою осведомленность Ланье и пожал коротышке руку. – Маркиз, вы ничего не слышали о переносе заседания?

– Нет, герцог уже приехал.

Словно в подтверждение этих слов, из коридора выскочил давешний слуга. Подбежал к дверям зала заседаний, перелез дух и принялся отпирать замок. Подобрать нужный ключ ему удалось только со второй или третьей попытки, но, как бы то ни было, вскоре собравшиеся в холле господважно прошествовали в зал.

Рауль тяжело вздохнул и облокотился на подоконник.

– Принесла нелегкая, – тихонько пробормотал он себе под нос, но Заре его все же расслышал.

– Сейчас еще герцог заявится, – обрадовал начальника Рик.

– Это который? – уточнил граф, внимательно оглядывая вытянувшихся по стойке смирно по обеим сторонам двери охранников. Сюртуки в порядке, сабли в ножнах, ботинки начищены, волосы не растрепаны. Вроде порядок.

– Судя по всему, герцог Алангорский.

– Двоюродный дядя его величества, – припомнил родословную герцога Рауль Луринга, провел ладонью по колючему подбородку и несколько приуныл. И что ему стоило встать на четверть часа раньше и побриться с утра? – Могли бы и предупредить...

Впрочем, неторопливо прошествовавший через холл в сопровождении секретаря грузный мужчина на дворцовых стражников даже не глянул. Чему граф только порадовался – некоторые вельможи на дух не переносили, когда охранники попадались им на глаза. А уж получить нагоняй от родствен-

ника короля и вовсе приятного мало.

Несколько минут Рауль молча прохаживался по просторному холлу, потом встал у двери и прислушался. Не сумел разобрать ни единого слова и вновь отошел к окну. Глянул на желтую листву деревьев, перевел взгляд на украшавшую потолок лепнину и тяжело вздохнул.

Граф просто ненавидел вот так вот болтаться перед закрытыми дверями, дожидаясь окончания смены. Какой во всем этом смысл? Он здесь просто теряет время! Но нет же! Папенька в кои-то веки решил настоять на своем и даже слушать ничего не хотел о его переводе на другую должность. Да еще и пригрозил урезать содержание, если Рауль не возьмется за ум. Можно подумать, на этой собачьей работе у графа оставалось время на всякие глупости!

Глупости?! Но ведь кроме как глупостью его сегодняшнее назначение и не назовешь! Караулившие въезд охранники не пропустят в ворота никого чужого; парк тоже патрулируется, и перелезший через забор злоумышленник лишь навредит себе кучу неприятностей, да и только. Зачем ставить четырех здоровых лбов там, где за глаза хватит и одного? От силы – двух. Чтобы отгонять от дверей излишне любопытных слуг, больше и не надо. Так зачем?

– Я вот думаю, – промолвил граф, остановившись рядом с Риком Заре, – а не накрутить ли хвост старшему смены?

– Он и сам о заседании мог не знать, – поправил шейный платок невысокий охранник. – У нас тут, если не заметили,

небольшой бардак-с. Правая рука не знает, что творит левая.

– Это точно, – усмехнулся Рауль. – Но поговорить на будущее стоит.

– Плюньте, – посоветовал Рик. – Завтра в салоне...

– Завтра я занят, – поморщился Луринга.

– Как скажете, – смирил начальника задумчивым взглядом Заре. По слухам, голубоглазый граф оставил в родном Арлоне немало разбитых сердец, а потому отказ его выглядел довольно странно.

– Быть может, в следующий раз...

Ни в какой салон идти Раулю не хотелось. Нет, он был вовсе не прочь развеяться, но его нынешняя должность... Он так и представлял, как столичные кокетки шепчутся у него за спиной. Старший охранник! Невелика птица. И пусть молодой человек, симпатичный и широкоплечий, нисколько не сомневался в своей способности вскружить голову самой неприступной красавице, в последнее время он был слишком взвинчен, и даже самая невинная шутка в его адрес могла стать причиной дуэли.

– На следующей декаде будет прием...

Заслышав чьи-то быстрые шаги, граф покачал головой, призывая подчиненного к молчанию, и заложил руки за спину. Оказаться застигнутым врасплох какой-нибудь важной шишкой Рауль хотел меньше всего. Хватит и того, что герцог Алангорский как снег на голову свалился.

Впрочем, на важную шишку вошедший в зал худощавый

молодой человек не походил. Хотя и усиленно пытался напустить на себя деловой вид. А может, и действительно спешил. Недаром его шейный платок съехал набок, шевелюра растрепалась, да и мундир лейб-егерского полка был изрядно запылен. В ворота так и вовсе сосновая иголка застряла.

– Срочная депеша его сиятельству графу Ильме, – на ходу отрапортовал парень, придерживая рукой болтавшуюся при каждом шаге пухлую курьерскую сумку на боку.

– Будьте любезны, – протянул руку заступивший ему дорогу Рауль.

Осунувшаяся физиономия егеря определенно была ему знакома: тот частенько носился сломя голову со своей сумкой, выпрашивая у дворцовых стражников, куда подевался тот или иной вельможа.

– Привет, Кайл, – поздоровался с курьером Рик. – Опять спешишь?

– А куда деваться? – буркнул парень и показал Раулю вытасненную из сумки депешу. – Теперь я могу пройти?

– Нет, – покачал головой граф, хоть сургучная печать армейской курьерской службы на депеше и была красного цвета: послание срочнее некуда.

– Что значит – нет?! – опешил Кайл.

– Согласно уставу караульной службы, допуск курьеров в помещения, в которых находятся члены королевской семьи, осуществляется исключительно с письменного разрешения старшего смены, – на память процитировал Рауль.

– И?

– Там герцог Алангорский...

– Но как же? – растерянно глянул Кайл на Рика. – Всегда же...

– Устав, – отвел взгляд Заре, которому вовсе не хотелось при новом командире вспоминать о случавшихся ранее нарушениях устава.

– И что делать? – Курьер несколько раз нервно стукнул уголком конверта по обшлагу камзола. – Деша срочная, нам всем головы за нее оторвут.

– Вижу, что срочная, – пожал плечами Рауль, – но пропустить не могу.

– А где старший смены?

– Во дворце.

– Пока я приеду с разрешением, заседание закончится!

– Вполне может быть, – не стал спорить граф.

– Тогда вызовите его светлость из зала.

– Не могу, – уже в открытую усмехнулся Лурина. – У меня нет никаких распоряжений насчет дещи.

– Вы издеваетесь?! – не выдержал курьер. – Какое может быть распоряжение, если она срочная?

– Ничем не могу помочь.

– Хорошо, хорошо, – постарался успокоиться Кайл. – Хорошо! Я подожду здесь.

– Не получится, – выдернул граф у него из рук дещу. – Во-первых, уставом запрещено нахождение посторон-

них лиц на охраняемой территории. Во-вторых, согласно все тому же уставу, начальник караула в этом случае должен взять на себя обязанность по незамедлительному вручению донесения.

– У меня приказ – лично в руки! – взвыл вцепившийся в конверт курьер.

– А мне-то что до ваших приказов? – не подумал вернуть депешу Рауль и сам не понял, как очутился в стоявшем у стены кресле.

Рик Заре кубарем откатился в другой угол, а Кайл со всех ног помчался к закрытым дверям зала заседаний. Из-за пропущенного в голову удара в глазах у Рауля двоилось, но он поспешно схватил тяжеленную вазу и метнул ее в курьера.

Как ни странно – попал.

Угодившая в поясницу ваза подтолкнула невысокого паренька вперед, и он со всего размаху врезался в рванувшего ему наперерез Вальтера Барка. Мгновенье спустя Кайл отлетел от здоровяка, будто угодивший в борт бильярдный шар, а охнувший охранник схватился за живот, и под его пальцами на серой ткани сюртука начало расползаться кровавое пятно.

– Грег! – рявкнул вскочивший из кресла Рауль.

Да тот и сам уже заметил зажатое в руке Кайла короткое лезвие. Обнажив саблю, Грег ринулся в атаку, но курьер пустой рукой отбил клинок в сторону и ножом ткнул охранника в горло.

– Нет! – заорал Рауль и рванул к убийце.

С разбегу рубанув парня по ребрам, он без промедления рванул саблю обратно, да только застрявшее в боку церемониальное оружие обломилось у самой гарды. А Кайл ранения будто и не заметил – ловко развернувшись, он полоснул начальника караула ножом. Граф успел подставить под удар ладонь, а в следующий миг Рик Заре в локте перерубил обезумевшему курьеру правую руку.

Убийца взвыл от боли и бросился было наутек, но граф успел поставить ему подножку, и Рик со всего маху опустил клинок на затылок растянувшегося на полу Кайла. Вновь замахнулся, ударил второй раз – и не выдержавшая таких издевательств церемониальная сабля переломилась.

Несмотря на торчащую из раскроенной головы железяку, курьер попытался подняться на четвереньки, и тогда Рауль схватил оброненное Греггом оружие, упер его убийце промеж лопаток и навалился всем своим весом на рукоять. Почувствовал, как уткнулось в пол пронзившее тело насквозь острие и, слегка ослабив нажим, удерживал насаженного на клинок курьера до тех пор, пока тот не перестал дергаться.

Да и потом, когда на шум схватки прибежали охранники с первого этажа, выдергивать саблю из трупа не стал. Вместо этого Рауль доковылял до кресла, уселся в него и мрачно уставился на левую ладонь, до кости располосованную ударом ножа.

И вопросы заполонивших холл стражников, и крики вель-

мож не трогали его сейчас совершенно. Заматывавший носовым платком порезанную руку граф как-то в один миг осознал, что сосватанная отцом работенка вовсе не синекура, как представлялось ему поначалу. Более того, на ней можно запросто лишиться головы. И если он не хочет однажды заполучить промеж ребер нож, придется кардинальным образом менять свое отношение к службе. Именно так и никак иначе.

На то, что удастся убедить герцога подыскать ему другое назначение, надежд у Рауля уже не оставалось. А когда стало известно, что в парке обнаружено раздетое до исподнего тело курьера – все того же Кайла! – граф и вовсе неожиданно для себя почувствовал непонятный азарт. Невероятность ситуации вызвала у Рауля жгучее желание непременно во всем разобраться, и даже давешние переживания отошли на второй план.

А еще Рауль Доминик Мор, граф Лурина, пришел к немало удивившему его выводу, что будни дворцовой охраны не так уж и беспросветно серы. Вовсе нет. Главное, суметь воспользоваться ситуацией.

И он непременно попробует это сделать...

Глава 3

Экзорцист. Кривое зеркало

Месяц Святого Николаса Слепца

I

В субботу шел дождь. И в пятницу шел дождь. И в четверг, само собой, без дождя не обошлось.

Дождь, не переставая ни на минуту, шел уже третий день подряд.

Вообще, в этом не было ничего необычного. С началом последнего месяца осени небо над прибрежными районами Стилга всякий раз затягивали напоздавшие с моря тучи, дождь сменялся снегом, а снег... Такой ослепительно-чистый, он раскисал и превращал дороги в непроходимые болота буквально за несколько часов. А потом опять шел дождь.

Так что, как ни крути, удивляться непогоде не приходилось. Удивительным было другое – все эти три бесконечно долгих дня я пил пиво. Не чувствуя вкуса. Кружку за кружкой. Останавливаясь, только чтобы сходить отлить да забыться, дожидаясь рассвета, в съемной камерке в мансарде «Черной ладьи» – не самой захудалой таверны в припорто-

вом районе столицы.

Объяснимо было все: мое возвращение в родной город, нежелание разыскивать старых знакомых, беспробудное пьянство. На все это имелись веские причины. Но, как ни ломали бы голову знавшие меня люди, они бы ни за что не догадались, зачем я пью эту ослиную мочу.

Человек, которого они когда-то знали, всем напиткам предпочитал вино. Да! Тот гуляка остановил бы свой выбор на вине и служанке посимпатичней. Или как получится. Лишь бы было кому согреть постель. Хотя скорее всего он еще в самый первый день – точнее, ночь – загремел бы в кутузку. Проспался в холодной и взялся за ум. Возможно. А возможно, и нет.

Но люди меняются, и поэтому я сидел и пил пиво. Пил пиво и ждал. В основном – ждал.

Вербовщик подошел за час до полудня.

– Не помешаю? – опустился на лавку напротив меня пожилой господин. Очень уж обыкновенный господин. Ни высокий, ни низкий. Ни худой, ни толстый. Лицо особо выразительными чертами тоже не отличалось. Когда он появился на постоялом дворе, мне, к стыду своему, припомнить не удалось.

– Ничуть, – усмехнулся я и хлебнул пива. Ну и гадость!

– Вот и замечательно, – мельком глянул на меня вербовщик и отвернулся. Взгляд тоже был ни злой, ни добрый,

но пиво враз встало в горле. Не должен быть у вербовщика такой взгляд. Тут птица совсем другого полета пожаловала. Станный господин подождал, пока я откашляюсь, и с едва заметным оттенком брезгливости указал на пивную кружку: – Ну и зачем же так себя мучить?..

– А почему нет? – откинулся я на спинку стула, внимательно наблюдая за руками собеседника. – Оно, конечно, не поможет, но хоть какой-то шанс будет. Погода – дрянь, грех не выпить...

– И сколько же пива, мой дорогой Себастьян, вы сегодня заказали? – Вербовщик выложил на стол тубус, наподобие тех, с какими ходят писари посостоятельней, и выудил из него несколько густо исписанных листочков. – Так... Ага, шесть кружек. Одну разбили, одну велели заменить. «Теплую мочу не пью» – так вы изволили выразиться? Немало пива расплескали и ни разу не осушили до дна. Получается, выпита вами от силы одна кружка. И все же – зачем себя так мучить? Вы же не любите пиво?

– Терпеть не могу, – сознался я, не отрывая взгляда от собеседника. Но если постоянно сидеть с кружкой пива в руке, обычно ни у кого не возникает и доли сомнения в твоём опьянении. Вот только моего собеседника к обычным людям отнести было никак нельзя. – Хотите что-то предложить?

– Мне рекомендовали вас как подающего большие надежды молодого человека, – не ответил на вопрос вербовщик.

– А мне вас – как вербовщика, собирающего отряд

не очень щепетильных наемников, — раскрыл свои карты я.

— Боюсь, вас ввели в заблуждение.

— Боюсь, вас тоже.

— Что ж, увидим. — Не говоря больше ни слова, мужчина поднялся из-за стола и направился к выходу.

Я за ним не пошел и не ошибся: стоило неприметному господину выйти, как в дверь тут же проскользнула прекрасно знакомая мне личность — Джек Пратт собственной хитроущей персоной. Вполне ожидаемо: именно этот нехороший человек и отправил меня дожидаться мифического вербовщика.

— Привет, рыжий, — плюхнувшись на лавку, протянул он мне руку с унизанными перстнями пальцами и тут же гаркнул на весь зал: — Пива!

— И тебе, рыжий... привет. — Я пожал жесткую, будто доска, ладонь и в один длинный глоток осушил полупустую кружку. — К чему весь этот спектакль?

— Ну, после твоих походов в Сарине неудивительно, что Малькольм решил списать тебя на берег. — Невысокий, жилистый, с ослепительно-рыжей копной растрепанных волос, Джек производил впечатление законченного пройдохи и, надо сказать, этому впечатлению вполне соответствовал. Одна серебряная серьга в ухе чего стоит! Кого другого за такое разгильдяйство давно бы со службы попросили, а ему все с рук сходило. Сграбастав с подноса подошедшей разносчицы глиняную кружку, он глотнул пива и недоуменно смор-

щился: – Как ты пьешь эту гадость?

– С трудом, – усмехнулся я, чувствуя в словах приятеля приторный оттенок фальши. После тех самых «похождений в Сарине» я стал куда чувствительней к подобным вещам. И не только.

– Закажем вина? – предложил Пратт, сунул руку под плащ, проверяя висевший на поясе кошелек, но тут же опомнился: – Хотя, пожалуй, не время.

– Не отвлекайся, – попросил я.

– Малькольм вбил себе в голову, что больше не может на тебя положиться. – Скривившись, Джек все же вновь хлебнул пива и провел ладонью по спускавшимся на подбородок рыжим усам. – Но есть люди, которых твой рассказ заинтересовал. И они решили взять тебя под свое крыло.

– Кто именно? – уточнил я, не прикасаясь к пододвинутой мне кружке.

– Не узнал? – Пратт вскочил на ноги и кинул на столешницу несколько мелких монет. – Пошли, пройдемся.

– В такую погоду? – Выходить под проливной дождь не хотелось. Но этих рыжих не переспорить. Нечего и пытаться. По себе знаю. А волосы у Джека куда рыжее моих.

– Пошли. – Парень даже не обернулся, лишь поплотнее запахнул плащ и вышел на крыльцо.

Я без всякой охоты поплелся следом:

– Рассказывай.

– На тебя положил глаз Якоб Ланье. – Джек оглядел пу-

стынную улицу. – Шеф королевской надзорной коллегии.

– В курсе, – поежился я. Королевская тайная служба была на слуху. Ею пугали детей. Ее до дрожи боялись наши соседи и до скрежета зубовного ненавидели заграничные коллеги. А вот о ведомстве Ланье слышали лишь те, кому это было положено по долгу службы. Да еще попавшие в сферу его интересов бедолаги. – Зачем меня три дня мариновали в этой дыре?

– Присматривались. – Пратт зашлепал по лужам. – Согласовывали. Решали.

– И что решили?

– Есть одно дело. – Джек лихо заскочил на подножку проезжавшей по улице кареты и махнул рукой: – Быстрее!

Я запрыгнул следом, скинул с головы промокший капюшон плаща и уселся напротив рыжего пройдохи, уже развалившегося на обитом кожей сиденье. Спрашивать ничего не стал. Сам расскажет.

– В последнее время какая только бесовщина не творится, – зевнул Пратт. – Так что копия твоего рапорта попала на глаза кому-то из помощников Ланье весьма своевременно.

– И рапорт восприняли всерьез? – удивился я.

– Рапорт – нет. Тебя – да. – Джек перестал улыбаться. – Понимаешь, о чем я?

– Допустим.

А чего непонятного? Когда у человека в двадцать

с небольшим лет выцветают глаза, будто у столетнего старика, это о чем-нибудь да говорит. Хорошо хоть не поседел.

– Чего от меня хотят?

– Официально будешь заниматься теми самыми наемниками. – Рыжий сунул мне кожаный футляр.

Что тут у нас? Патент пристава королевской надзорной коллегии? Неплохо. Весьма неплохо!

– На деле – всякой бесовщиной.

– Чем?

– Орден Изгоняющих с нами сотрудничает, но вытянуть из них полезную информацию стоит столько сил и нервов, что решено самостоятельно развивать это направление.

– Проблемы с бесноватыми? – невольно улыбнулся я. – Или сами бесы беспокоят?

– Не только, – покачал головой посерьезневший Джек. – Но идея давно витала в воздухе, а тут подвернулся ты.

– И куда мы, кстати, направляемся? – отодвинув шторку, выглянул я из кареты.

– В пригород.

– По поводу?..

– Странная смерть.

– Странная?

– Весьма странная.

II

Место, где случилась эта странная смерть, оказалось ничем особо не примечательным. Карета остановилась перед усадьбой, за высоким забором которой густо разрослись настоящие заросли боярышника и акации. Над деревьями торчала крытая черепицей островерхая крыша двухэтажного особняка. Рядом с ней едва проглядывала из-за не успевших облететь деревьев конюшня.

– Пошли! – Джек выпрыгнул из кареты и направился к будке привратника. Самого привратника там не оказалось – калитку открыл выскочивший под дождь стражник. Форменный плащ изрядно промок, выходит, проделывать эту нехитрую операцию ему приходилось не первый раз.

Пробравшись через разросшиеся у забора колючие кусты, мы остановились на краю небольшой и, скорее всего, относительно недавно вытоптанной прогалины. Судя по оставленным на земле отпечаткам сапог, до нас здесь успела побывать уйма народу, так что было совершенно непонятно, с какой именно целью Джек меня сюда притащил.

– Смотри. – Пратт указал куда-то чуть выше обломанной ветки боярышника с уже начавшей жухнуть листвой.

– Ну? – привстал на цыпочки я.

Из-за деревьев едва проглядывали ворота конюшни. Шагов сто – сто пятьдесят, не меньше.

– Представь себе: дождь, ветер, темень, будто у кашалота в брюхе. – Мой спутник начал пробираться через кусты к тропинке. – Хозяин, который большую часть времени живет в городе, непонятно зачем приезжает за полночь, сам распрягает лошадь, выходит из конюшни и... кто-то с такой дистанции всаживает в него стрелу.

– Бред! – фыркнул я. – Уверен, что стреляли именно отсюда?

– Можешь не сомневаться. Ты представляешь, какого класса должен быть стрелок? Сделать поправки на раскачивающиеся ветки, дождь, ветер и движение жертвы? В такой-то темноте?

– Да уж! – хмыкнул я, все еще не понимая, на кой бес меня сюда притащили.

– Стрела попала в бедро, перебила артерию, и когда наутро обходивший территорию охранник обнаружил хозяина, тот уже истек кровью.

– Вряд ли убитый важная шишка? – предположил я. Мне здесь не нравилось. Будто мурашки по спине непонятно от чего побежали. Захотелось уйти.

– Клерк ревизионной палаты казначейства. Весьма ценился руководством. У него, говорят, был просто нюх на всяческие махинации. А такие люди, брат, на вес золота!

– Поэтому и убили?

– Мы тоже сначала так думали. – Джек прошел мимо облицованного песчаником крыльца, завернул за угол особня-

ка и спустился по неприметной лестнице, ведущей в подвал. – А потом у нас появились сомнения...

У меня такие сомнения, честно говоря, тоже уже начали появляться: тяжеленная, окованная железом дверь в подвал сейчас была аккуратно приставлена к стене. Приставлена – аккуратно. А вот выламывали ее... Интересно, зачем канцелярской крысе понадобилась дверь, больше подходящая для сокровищницы какого-нибудь средней руки ростовщика? Да и пост охраны никто бы не стал выставять, не отыщишь в подвале нечто весьма необычное. Необычное настолько, что этим заинтересовалась королевская надзорная коллегия.

– Ключи давайте. – Джек протянул руку к игравшим в кости на перевернутом бочонке стражникам. Или делавшим вид, что играют, – слишком уж собранными и настороженными выглядели эти дюжие парни. Как бы то ни было, один из здоровяков снял с крюка кольцо с ключами и кинул моему рыжеволосому другу.

– А чего так неаккуратно? – оглянулся я.

– От входной ключей не нашли. – Джек начал отпирать висячие замки с двери ничуть не менее хлипкой, чем входная. Один. Второй. Третий. Неужели и в самом деле покойный здесь свои сбережения хранил? – Заходи...

Ну я и зашел. Шагнул в темную комнатку и моментально упал на колени, зажимая ладонями виски. Будто в растопленную до невозможности парилку шагнул. Только тут дело

в другом было, совсем в другом.

– Эк тебя, – смущенно хмыкнул рыжий поганец, когда я буквально выполз обратно. – Ты как?

– Предупреждать надо, – прошипел я и, вытащив из кармана фляжку, хлебнул полынной настойки. Полегчало. Но головная боль на сегодня точно обеспечена. И это еще легко отделался. Ворохнулась на дне души знакомая тяжесть. Ох, ворохнулась! – Сколько человек там убили?

– Десятка три, если мы всех в саду откопали. – Джек запалил факел и безбоязненно шагнул внутрь. – Объяснишь, что за бесовщина тут происходила?

– Неужто вас Изгоняющие не просветили? – Я остановился на пороге каморки, на мгновение заколебался и все же шагнул вперед. Обрывки душ умерших здесь людей вновь обожгли огнем, но теперь мне удалось закрыть сознание от их жутких прикосновений. Ничего сложного – если знаешь как. Я знал, благо удалось раздобыть допуск в закрытое хранилище библиотеки при столичном монастыре Всех Святых. *«Путь мыслителя», раздел «Медитация как основа развития личности», глава «Мантры и наговоры».* Да уж, так гораздо лучше, пусть и не сразу удастся понять, о чем рыжий пройдоха толкует.

– Побывавшего здесь экзорциста хватил удар. А его собратья крайне уклончиво отвечали на наши вопросы. – Факел высветил вмурованные в стены ржавые цепи и выдолбленный прямо в каменном полу пентакль с железными коль-

цами в вершинах пятиконечной звезды. — Поэтому и понадобился ты.

— Выйдем. — После того как тяжелая дверь отгородила нас от жуткой комнатки, дышать сразу стало легче.

— Что там происходило? — Джек начал один за другим заpirать замки.

— Что-то очень и очень нехорошее. В Норвеyme за такое запросто на костер отправляют.

— А может, хозяину просто нравилось убивать людей?

— Нет, — покачал головой я. Раньше мне бы не удалось почувствовать ничего необычного. Разве что не до конца выветрившийся запах крови. А теперь... Схватка с бесом в Сарине оставила после себя немало непонятного. И не могу сказать, что мне доставляло такое уж большое удовольствие ощущать эту потустороннюю бесовщину. Хотя временами просто не понимаю, как жил без этого раньше. — Это ритуальные убийства. Слишком уж аура тяжелая...

— Чего?

— Души умерших, говорю, никак покой не обретут. — Я вышел под дождь, подождал, пока хлеставший по лицу ветер не развеет заполонившую голову хмарь, и лишь после этого накинул капюшон. — Как думаешь, убийца знал о подвале?

— Несомненно. Иначе бы не стал здесь среди ночи караулить. Охранник говорит, хозяин иногда по ночам гостей в подвал водил. Водил сам, ему всякий раз велел носа из дома не казать.

– Когда его подстрелили? Вчера?

– Позавчера, – прищурился Джек.

– А меня вы в «Черной ладье» целых три дня мариновали... – Догадаться о прошедшем с момента убийства времени было несложно: листья на сломанных стрелком ветках даже еще не успели пожухнуть.

– Были и другие. – Пратт сразу понял, к чему идет дело. – В карете записи просмотришь.

– И у каждого в подвале – такое?

– Нет, их только способ исполнения объединяет да стрелы будто из одного колчана, – усмехнулся Джек. – Всех застрелили. Всех – из почти нереальных положений. Больше ничего не скажу, мне твое собственное мнение интересно.

– Пошли, – уныло вздохнул я. Не люблю такие непонятки сил нет как!..

Всего убитых оказалось пятеро.

Королевского судью небольшого городка в окрестностях столицы застрелили, когда он садился в карету. И опять полный набор – вечер, ветер, дождь. Два шага от крыльца до кареты, трое охранников рядом. Единственная стрела угодила в бок и пробила печень. Десять дней назад.

Старшего надзирателя «Ржавой кирки» – самой известной каторги королевства, – убийца подкараулил по дороге на работу. В этот раз он едва не дал маху, но лишь чиркнувшая по шее жертвы стрела все же перебила вену. Истек кровью. Восемь дней назад.

С приехавшим в столицу землевладельцем убийца и во-все опростоволосился. Не побоявшись совершить нападение средь белого дня, да еще в людном месте, лучник всадил стрелу куда выше, чем следовало, и она, не причинив особого вреда, засела под ключицей. Лучнику повезло дважды: во-первых, никто не приметил, откуда он стрелял; во-вторых, землевладелец умер от заражения крови. Шесть дней назад.

А вот с таможенным смотрителем убийца вновь проявил себя с лучшей стороны: зашедший справить нужду в отхожее место таможенник еще не успел прикрыть за собой дверь, когда его затылок пробила выпущенная с двух сотен шагов стрела. Убитого хватились слишком поздно, стрелка к этому времени и след простыл. Четыре дня назад.

Место смерти последней жертвы мы только что посетили. Лихо.

– Ну, что скажешь? – Джек убрал в чехол несколько листов исписанной убористым почерком бумаги.

– Мотив мести, думаю, уже рассматривался? – хмыкнул я.

Цепочка простая: ревизор вытащил на свет чье-то грязное белье, судья вкатал растратчику немаленький срок, надзиратель не проявлял должного уважения к заключенному... Землевладелец и таможенник? Избежавшие наказания подельники? Запросто. Только версия эта слишком очевидная, чтобы иметь хоть какое-то отношение к истине.

– Да.

– Есть что-то еще, что мне следует знать? – Я решил пока

воздержаться от скоропалительных предположений.

— В последних двух случаях стрелка сопровождали два человека. Раньше, возможно, тоже, но до убийства таможенника мы этим делом не занимались, а Стража... — Джек только махнул рукой. — Нас поставили в известность, только когда стало ясно, что безумный лучник не успокоится. Ну а потом...

— Потом вы обнаружили подвал, — кивнул я. — Вот что скажу: лучник — профессионал. Никакой самоучка не смог бы снять всех пятерых и ни разу не промахнуться.

— Наемник?

— Не знаю. Зато я знаю, где обучают стрелков такого класса.

— Королевская стрелковая школа? — ухмыльнулся жутко довольный собой Пратт. — Так мы туда сейчас и едем...

III

Как выяснилось несколько часов спустя, я серьезно недооценил размах, с которым взялась за дело надзорная коллегия. Один-два следователя, в тихом уголке беседующие с руководством школы об ее выпускниках? Как бы не так! Бравые вояки, руководствуясь мифической «честью мундира», могли сколь угодно долго водить за нос шпикиов, но оказались совершенно беспомощны перед нагрянувшей из казначейства неурочной проверкой расходования казенных денег.

Надо ли говорить, что ревизоров в составе сборной комиссии оказалось едва ли не меньше, чем тех самых пресловутых шпииков?

В просторном холле главного корпуса школы яблоку некуда было упасть. Казалось, со всего здания сюда стащили столы, ящики с бухгалтерскими книгами, личными делами выпускников и преподавателей. Человек тридцать проверяющих разбирали документы, сортируя бумаги по одному им известному принципу. Несмолкающий гомон голосов, шелест страниц, скрип гусиных перьев. Рутинa. Не удивлюсь, если Ланье уже давненько армейским зазнайкам перышки хотел пощипать, а тут такая оказия подвернулась...

Сидевший на подоконнике крепкого сложения парень встрепенулся при нашем появлении и зажатый в руке бутербродом с копченой курятиной указал на одну из дверей. Тогда мы и отправились.

В небольшом кабинете с распахнутым настежь окном тоже оказалось не протолкнуться. Кроме четверых липовых проверяющих из казначейства здесь маялись два школьных администратора. Выделялись они на общем фоне не столь серо-зелеными мундирами, сколь кислыми выражениями осунувшихся лиц.

– Как успехи? – прямо с порога поинтересовался и не подумавший поздороваться Пратт.

– Просматриваем дела лучших выпускников последних пяти лет, – доложил один из проверяющих, длинный, словно

жердь, парень с испачканными чернилами пальцами.

Выходит, казначейские свое дело сделали: собрали материал на руководство школы, и теперь тем волей-неволей пришлось позабыть про армейский гонор.

– Почему только пяти? – удивился Джек.

– Потому как лучшие ученики предыдущих лет в большинстве своем уже покинули этот мир, – подсказал я. – Закатная кампания, знаешь ли. Лемское поле...

– Так и есть, – буркнул усатый капитан. – Лучшие остались на Лемском поле. Третий сводный. А судя по обстоятельствам покушений, ваш стрелок просто не мог остаться нами незамеченным.

– Одно непонятно, – потеревил длинный ус его коллега. – При таких вводных нормальный лучник никогда бы не взялся исполнять заказ. Слишком много факторов. Слишком высок риск промахнуться.

– Но он попадал, – кивнул я. У меня и самого появились подобные сомнения. Больно уж нестабильно стрелял убийца. Да, он всегда попадал, но пару раз едва не запорол дело. – Хотя не должен был и пытаться. Так? Получается, либо он бесовски самоуверен, либо у него не было выбора.

– Или и то, и другое, – поддакнул тоже, несомненно, почувывший неладное Джек.

– И на один блестящий выстрел в очень сложных условиях приходится стрела, едва не улетевшая в «молоко», – вслух высказал свои опасения я. – Быть может, мы не совсем то

ищем? Что, если стрелков было двое?

— Эд Рох! — вдруг хором воскликнули чиновники королевской школы.

— Кто? — с изумлением уставились мы на них.

— Эдвард Рох-младший, — повторил капитан. — Прирожденный лучник, но страшный разгильдяй.

— Тот, кто никогда не мажет, — добавил его коллега и пояснил специально для нас: — Так его называли.

— Здесь есть его личное дело? — Джек оглядел коробки с документами.

— Нет, — мотнул головой капитан. — Эдварда к лучшим выпускникам нельзя отнести даже при всем уважении к его отцу. Вот тот знатный был стрелок.

— Но вы же сказали, парень никогда не промахивался?

— Попадать в мишень и быть хорошим стрелком — разные вещи, — объяснил капитан. — Попадал он всегда. Из любого возможного положения. При любых условиях. В мишень попадал. В яблочко не мог попасть и с двадцати шагов.

— Личное дело на него, быстро! — распорядился Джек, и один из проверяющих выскочил в коридор. Все верно — почерк один в один.

— Только это не Рох, — заметил вдруг подчиненный капитана. — Он в прошлом году подстрелил хахалю своей подружки и ближайшую дюжину лет проведет на каторге. «Ржавая кирка», слышали о такой?

— Доводилось, — задумчиво протянул Пратт и, прищурив-

шись, глянул на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.